

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 Апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ собранію Общества драматическихъ писателей.—Эпиплоги къ «Горю отъ ума» и «Ревивору» (продолженіе) *А. Измайлова*.—Гастроли русской труппы въ Берлинѣ.—Хроника театра и искусства.—Театральныя замѣтки *А. К-елл*.—«Круча» (продолженіе) *А. Дьянова*.—Заграницей.—Провинц. лѣтопись.—Справ. отдѣлъ.—Объявленія.

№ 14.

Рисунки: «Въ сумеркахъ», съ карт. *М. В. Нестерова*.—«Союзъ нравственности вѣнскаго балета».—«Кузнецъ Вакула» *П. Ассатурова*.

Портреты: Ернфельта, Розы Ретти, Самойловой, В. В. Чуйко.

Приложеніе: «Графъ ди-Спандола» *В. Б. Бентовина* (окончаніе).

Принимается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и 2 руб.

1-го іюня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 4 апрѣля.

Ниже читатели найдутъ отчетъ о годовомъ собраніи Общества драматическихъ писателей. Странное впечатлѣніе производятъ отчеты объ этихъ собраніяхъ—словно читаешь юмористическій разсказъ Марка Твена. Въ Обществѣ около 700 членовъ, правомъ же голоса пользуется 90. Изъ 90, пользующихся правомъ голоса, присутствуетъ дюжина, обладающая 19 голосами. Предсѣдателемъ избирается тотъ, у котораго три голоса, ибо, вѣроятно, эти три голоса онъ подаетъ за себя, а не противъ себя. Изъ 177,000 р. сбора, 13,000 р. получаетъ... секретарь, какъ въ доброе старое время, когда судья былъ вѣвской правосудія, а центръ тяжести лежалъ въ канцеляріи; 4,000 р. получаетъ казначей. Что же, однако, дѣлаетъ секретарь, если казначей ведетъ денежную отчетность, а дѣла рѣшаетъ комитетъ? Неужели 13,000 р. идутъ на то, чтобы контролировать казначея, получающаго 4,000 р.? Въ такомъ

случаѣ, почему не положено жалованья членамъ ревизіонной комисіи?

Одинъ изъ драматическихъ писателей замѣтилъ какъ-то—разумѣется, въ интимномъ разговорѣ, ибо въ общихъ собраніяхъ имѣющие голоса обыкновенно не говорятъ, а имѣющие уши не слышатъ—что пока комитетъ будетъ засѣдать въ Москвѣ, серьезныхъ реформъ въ этомъ, столь странномъ обществѣ ожидать нельзя. На всемъ московскомъ есть особый отпечатокъ. Нельзя не признать совершенно московскимъ прекръ завтрака, стоимостью въ 1,500 р., въ ознаменованіе 25-лѣтія Общества, или проектъ награжденія агентовъ за 25-лѣтнюю службу золотыми часами по 125 руб. Эта точность разцѣнки часовъ, завтрака, и самый характеръ этихъ вещественныхъ знаковъ торжества, въ которыхъ нѣтъ ничего эмблематическаго, но которые столь солидны, столь увѣсисты—все это не иначе, какъ московское. И уставъ увѣсистый, неповоротливый, московскій, напоминающій фабричную конторскую книгу, и расходы по администраціи московскіе, «увѣсистые», примѣнительно къ дороговизнѣ московской жизни и широкимъ московскимъ привычкамъ...

Духъ олигархіи проникаетъ это живое, казалось бы, литературное и театральное учрежденіе. Въ заколдованномъ кругѣ двухъ-трехъ десятковъ членовъ, съ полуторными голосами, въ среднемъ вѣводѣ, протекаетъ вся жизнь Общества драматическихъ писателей. Свѣжихъ людей дальше ревизіонной комисіи и кандидатовъ въ члены ревизіонной комисіи не пускаютъ. Въ судьи грибоѣдовской преміи избраны г. Плевако, г-жа Ермолова и кн. Цертелевъ. Развѣ это не московскій подборъ лицъ? Почему Плевако долженъ быть судьей грибоѣдовской преміи? Отчего не присяж-

ный повѣренный Ляховецкій, юрисконсультъ Общества драматическихъ писателей? Онъ имѣетъ болѣе касательства и столько же правъ...

Все это, впрочемъ, мелочи. Намъ давно твердятъ, что Общество драматическихъ писателей есть чисто-коммерческій союзъ. Всѣ другія общества литераторовъ суть учрежденія литературныя и художественныя, но когда замѣшается драматургія, то выходитъ коммерція. Пусть такъ. Но тогда слѣдуетъ прежде всего удешевить расходы по администрации и реформировать систему сборовъ, основавъ ее на началахъ болѣе выгодныхъ, менѣе произвольныхъ и болѣе соответствующихъ платежнымъ способностямъ театральнымъ предприятий. Спорить противъ недостатковъ нынѣшняго устройства — невозможно. Но можно, не споря, жить такъ, до скончанія вѣка, ибо оппозиція все же не болѣе, какъ нѣсколько случайныхъ полуторныхъ и половинныхъ голосовъ. Невозможно и ждать реформы устава при олигархической системѣ дѣйствительныхъ членовъ, въ зависимости отъ количества получасмаго дохода.

Остается одно: образовать новое общество. Рѣшительной попытки въ этомъ направленіи не сдѣлано, но среди драматическихъ писателей ясно обозначились два теченія: одно, благопріятствующее открытію Общества для защиты авторскихъ правъ драматурговъ при Союзѣ писателей, — другое, предпочитающее образованіе такого новаго Общества при Русскомъ Театральномъ Обществѣ. Намъ думается, что второе теченіе правильнѣе намѣчаетъ путь. Среди членовъ Русскаго Театральнаго Общества драматическихъ писателей не мало. Во-первыхъ, Русское Театральное Общество имѣетъ организацію, центральныя учрежденія въ Петербургѣ и Москвѣ, агентовъ, и притомъ испытанныхъ, по всей Россіи. Это единственное учрежденіе, опираясь на которое русскіе драматическіе писатели могли бы создать новое Общество, на болѣе рациональныхъ, правильныхъ и болѣе соответствующихъ дѣлу основаніяхъ. Наконецъ, совмѣстная, органическая, слитная дѣятельность Русскаго Театральнаго Общества и Общества драматическихъ писателей могла бы быть очень полезной для обѣихъ сторонъ. Драматическая литература и сценическое искусство взаимно питаютъ другъ друга, и было бы вполне согласно со справедливостью, если бы отъ избытка доходовъ драматическихъ писателей богатѣло Театральное Общество, и заботами о лучшей постановкѣ театральнаго дѣла, въ свою очередь, обезпечило бы возростаніе доходовъ драматическихъ авторовъ.

Драматическимъ писателямъ, сочувствующимъ этому начинанію, слѣдовало бы собраться и обсудить вопросъ.

Эпизоды къ „Горю отъ ума“ и „Ревизору“.

(Историко-литературная справка).

(Продолженіе *).

Не менѣе, чѣмъ Элейкинъ, карикатурнымъ представителемъ современныхъ партій является Оеологинскій, мужъ княжны Мими, ярый поборникъ прогресса, возвышающій, подобно Элейкину, высокія истины, толкующій о возрожденіи науки, о просвѣщеніи понятій и т. д., намѣревающимся рассмотреть фигуру Іоанна Грознаго, какъ „читателя Лютера и тайнаго протестанта“, и собирающій данныя для объясненія причинъ, побудившихъ Герострата сжечь храмъ Діаны. Въ самой фамиліи этого героя, въ его профессорствѣ, наконецъ, въ особенностяхъ его рѣчи чувствуется желаніе автора заклеить въ его лицѣ несимпатичныя для него литературно-научныя теченія современности, съ ихъ отрицательными тенденціями, и вожаковъ этихъ теченій, людей схоластически-семинарскихъ воззрѣній. Мы не будемъ останавливаться ни на болѣе подробной характеристикѣ Оеологинскаго, ни на передачѣ разговоровъ между героями, — разговорахъ, посвященныхъ всецѣло карикатурному изображенію лже-героевъ прогресса. Эта часть пьесы Растопчиной имѣетъ исключительно сатирическій характеръ и лишена историческаго интереса. Лица грибоѣдовской комедіи являются здѣсь уже въ совершенно своеобразномъ освѣщеніи, и имѣютъ съ героями Растопчиной общее только въ именахъ. Строго говоря, здѣсь они играютъ всего лишь второстепенную роль, и сцену ведутъ главнымъ образомъ Элейкинъ и Оеологинскій.

Изъ героинь комедіи-прототипа въ этой сценѣ наиболѣе видное мѣсто удѣляется княжнѣ Мими и Зизи Тугоуховскимъ. Но безъ удивленія читатель узнаетъ, что та и другая сдѣлались ревностными поборницами прогресса, послѣ того какъ домъ Тугоуховскихъ пошелъ съ аукціона. Мими, вышедшая замужъ за Оеологинскаго, „адъюнкта изъ семинаристовъ“, записывается въ социалистки и увлекается на тотъ же путь и сорокачетырехлѣтнюю Зизи. Та и другая бредятъ словами Оеологинскаго, толкуютъ о своей зрѣлости и ратуютъ за уничтоженіе старообразныхъ привычекъ. „Пора въ наукѣ намъ урваться изъ пеленокъ, не вѣрить сказкамъ нянокъ, какъ ребенокъ, и философію въ исторіи найти“, торжественно заявляетъ одна изъ нихъ. Когда Чацкій называетъ Зизи княжнѣю, послѣдняя чуть не съ негодованіемъ отказывается отъ этого названія, — „позорнаго титула тщеславія и гордыни“ и проситъ звать ее „просто Зинаидой“. Сиплый, рѣзкій голосъ, какимъ надѣляетъ авторъ Зизи, папираса, не выпускаемая ею изъ рта, восторженные рѣчи о какомъ-то не называемомъ вслухъ божѣ социализма, волосы котораго она носитъ въ ладонѣ, — обличаютъ въ Тугоуховскихъ карикатуру на лжегероинь прогресса, выразительно отмѣченныхъ русскою литературой и внушавшихъ Растопчиной сильную антипатію.

Опускаемъ довольно длинную и, по справедливости сказать, достаточно сумбурную сцену ораторствованія Элейкиныхъ и Оеологинскихъ. Вслѣдъ за исполненными ханжества и мракобѣсія вѣщаніями перваго и многообѣщающими увѣреніями втораго,

*) См. №№ 12 и 13.

произносить свой монологъ здравомысля пьесы — Чацкій. Можно сказать безошибочно, что это дѣлкомъ взгляды самой Растопчиной, очень откровенно вложенные въ уста героя и представляющие золотую середину между противоположными увлечениями вѣка. Умѣренная и осторожная философія Чацкаго приходится не по сердцу никому изъ присутствующихъ. „Вѣдь этотъ господинъ... того!“ выразительно замѣчаетъ Оеологинскій Петрову и слышитъ отъ него подтвержденіе, что дѣйствительно Чацкій „опасный человекъ“. Чацкаго называютъ пустымъ болтуномъ, шпиономъ, а экспансивная Зизи вслухъ выкрикиваетъ даже, что онъ „подлецъ“. Единственный здравомыслящій человекъ пьесы видитъ, что онъ оказался всѣми покинутъ и не понять. Призывъ Горичевой войти въ ея кружокъ кажется ему ненужнымъ и недостойнымъ. „Зачѣмъ чужимъ стѣсняться мнѣніемъ, и независимость, и совѣсть, и свой умъ другимъ пожертвовать, имъ вторить наобумъ, глазами ихъ смотрѣть, идти ихъ направлениемъ“. Въмѣсто того, чтобы быть съ волками по волчьимъ, онъ предпочитаетъ открытый разрывъ.

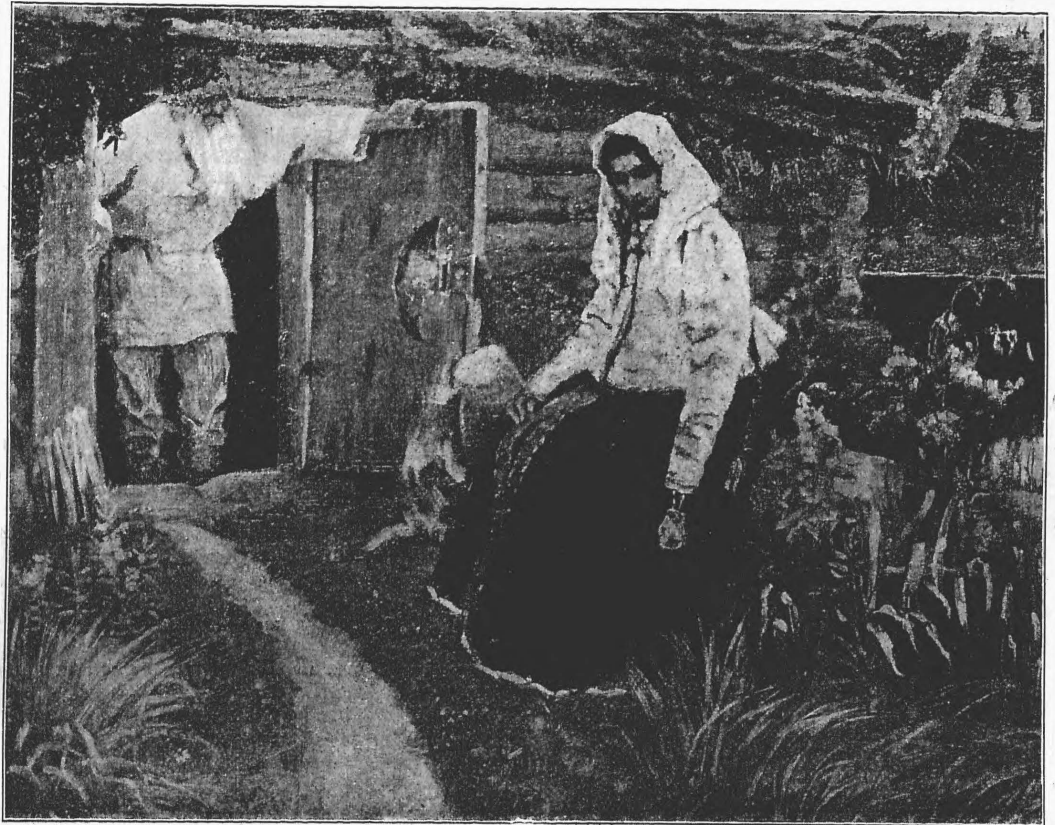
Намъ остается досказать несложную фабулу пьесы Растопчиной. Дочь Софьи, Вѣра, влюбленная въ Петрова, получаетъ отъ него записку, гдѣ послѣдній назначаетъ ей свиданіе въ кабинетѣ. По несчастной случайности, Вѣра теряетъ записку, которая, пройдя черезъ руки графини Хрюминой и Скалозуба, попадаетъ къ Софьѣ. Подозрѣвая, что дѣло между Петровымъ и ея дочерью зашло уже слишкомъ далеко, Софья вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ. Озлобленный Фамусовъ отказываетъ Петрова отъ своего дома, для успокоенія же Софьи исторія связи ея дочери съ учителемъ смягчается. Причиной удаленія учителя выставляется лишь тотъ фактъ, будто бы Петровъ носилъ своей воспитанницѣ романы. Здѣсь же становится извѣстнымъ о другой связи Петрова, окончательно роняющемъ учителя въ глазахъ всѣхъ, и на этотъ разъ обманутая имъ дочь Софьи падаетъ въ обморокъ.

Пьеса заключается діалогомъ Чацкаго съ княгиней. Съ грустью Чацкій заявляетъ, что, какъ въ старину, такъ и теперь онъ остался одинокимъ, не встрѣтивъ въ Москвѣ радостнаго приѣма. „Что видѣли мы съ вами? спрашиваетъ онъ. — Что слышали своими мы ушами? — Упрямство, глупость, низость, зло...“. Невольно онъ обращается ко времени за двадцать пять лѣтъ назадъ, когда покидалъ Москву съ проклятьемъ и бѣжалъ изъ нея, какъ „угорѣлый“.

„Теперь не женщиной, — людьми я уязвленъ, заключаетъ Чацкій, — они во мнѣ поколебали вѣру въ себя самихъ и въ дѣльный край“, — и рѣшается проститься съ Москвою въ послѣдній разъ, чтобы болѣе въ нее не возвращаться. Только увѣренія княгини, что Москва не клиномъ сошлась, и что она можетъ показать ему иное московское общество, гдѣ не найдется ни княженъ Зизи, ни Элейкиныхъ, ни Петровыхъ, — удерживаютъ его отъ намѣренія немедленно покинуть городъ.

Этимъ спокойнымъ рѣшеніемъ пьеса заканчивается.

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ.

«Въ сумеркахъ» М. В. Нестерова.

II.

„Настоящій ревизоръ, комедія въ трехъ дняхъ или дѣйствіяхъ, служащая продолженіемъ комедіи „Ревизоръ“, сочиненной Гоголемъ“ — принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора, установить имя котораго теперь, вѣроятно, уже нѣтъ никакой возможности. Книжка отпечатана въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Христіана Гинце и выдана въ свѣтъ въ 1836 г., — въ томъ самомъ году, когда и безсмертная комедія впервые появилась на сценѣ. Для настоящаго времени эта небольшая книжечка, въ 126 страницъ, представляетъ уже библиографическую рѣдкость.

Безъ сомнѣнія, это продолженіе извѣстной комедіи болѣе интересно, чѣмъ только что рассмотрѣнный нами эпилогъ къ грибоѣдовской пьесѣ. Въ первомъ случаѣ, художественнымъ дѣлать автора повредили его полемическія тенденціи, и ближайшая цѣль — изображеніе грибоѣдовскихъ типовъ въ новой обстановкѣ и въ новыхъ положеніяхъ — заслонилась намѣреніемъ насколько возможно ярче выставить и выпутить современная общественно-литературныя направленія.

Потребовалось для этого введеніе новыхъ лицъ, сдѣлались неизбѣжными совершенно неожиданными измѣненія характеровъ героевъ. Ни къ чему подобному не былъ вынужденъ авторъ „Настоящаго ревизора“, совершенно чуждый намѣреній памфлетиста и задавившійся чисто литературною дѣлюю, — досказать, по мѣрѣ умѣнія, интересный гоголевскій рассказъ, прерывающійся, можно сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ. Что случилось, въ самомъ дѣлѣ, съ Хлестаковымъ, и какъ отозвался на городничемъ прїѣздъ дѣйствительнаго ревизора, о которомъ возвыстилъ жандармъ въ послѣдней сценѣ комедіи?

Дѣйствіе „Настоящаго ревизора“ слѣдуетъ непосредственно за событіями, рассказанными Гоголемъ. Персонажи представляются буквально тѣми же безъ малѣйшихъ перемѣнъ, и это обстоятельство даетъ возможность немедленно перейти къ изложенію содержанія пьесы. Замѣтимъ лишь о томъ, что стремленіе остаться вѣрнымъ Гоголю въ обрисовкѣ типовъ заставило анонимнаго автора предпослать пьесѣ, подобно послѣднему, замѣтку („Характеры и костюмы“), содержащую руководящіе данныя для исполнителей. Замѣтка отчасти повторяетъ почти буквально гоголевскія примѣчанія, отчасти даетъ новые детали, не противорѣчающія, впрочемъ, характерамъ героевъ. Такъ здѣсь сообщается, что городничій „очень неглупый человѣкъ“, съ довольно быстрыми переходами отъ страха къ радости и обратно; что дочь его „милая, чувствительная дѣвица, немного умнѣе матери“; что голосъ Осипа „въ разговорѣ съ баринкомъ принимаетъ суровое, отрывистое и даже грубое выраженіе“.

А. Мамайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гастроли русской труппы въ Берлинъ.

Гастроли М. Г. Савиной въ Берлинѣ закончились. Въ Королевскомъ театрѣ дважды шла „Василиса Мелентьева“, по желанію императора Вильгельма. Въ первый разъ онъ не могъ присутствовать по нездоровью. М. Г. Савина и г-жа Стравинская были приглашены въ ложу къ императору, причемъ М. Г. Савина получила драгоценный браслетъ, усыпанный рубинами съ германскимъ гербомъ изъ брилліантовъ. Г-жѣ Савиной принадлежитъ, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, починъ мирнаго соглашенія съ нѣмцами. Для русской колоніи гастролі Савиной, разумѣется, были настоящимъ праздникомъ. Особенно усердно посѣщались спектакли въ Королевскомъ театрѣ, такъ какъ мѣста въ Лессингъ-театрѣ были разцѣнены очень высоко, и учащемуся въ Берлинѣ русскому юношеству они были не по карману.

Въ прошломъ номерѣ мы привели выдержки изъ газетъ о первомъ спектаклѣ. Постараемся вкратцѣ суммировать отзывы берлинскихъ газетъ о гастроліяхъ нашей труппы. „Чародѣйка“ и „Василиса Мелентьева“, какъ и слѣдовало ожидать, оказались непонятными нѣмецкой публикѣ. Въ этомъ пунктѣ сходятся почти всѣ газеты. Непониманіе быта и обстановки исторической драмы отозвалось и на отзывахъ нѣкоторыхъ газетъ о г-жѣ Савиной.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, „National Zeitung“.

Мы видѣли красивыя сценическія фигуры и красивые костюмы, мы слышали звучную рѣчь, ясную и отчетливую дикцію; но страсти, но человѣческихъ чувствъ мы не видѣли; этимъ недостаткомъ страдала игра самой г-жи Савиной. Мы отдаемъ должное ея виртуозной Technikъ, простотѣ и естественности ея игры, и отсутствію эффектовъ; но въ ея Настасѣ не было крови, не было демоніама. Болѣе яркіе моменты пьесы остались у нея недостаточно отгнѣненными. Таковъ моментъ, когда Настасья подставляетъ грудь подъ ударъ возлюбленнаго и обезоруживаетъ его своимъ взоромъ.

Впрочемъ, „National Zeit.“ оттого такъ и называется, что у нея „Deutschland über Alles“. Но и другія, болѣе безпристрастныя газеты, отзывались сдержаннѣе объ этихъ двухъ пьесахъ. О „Василисѣ Мелентьевой“ „Börs. Corr.“ пишетъ:

Вышній успѣхъ мало объясняетъ намъ впечатлѣніе, производимое русскими артистами. Значительная часть публики состоитъ изъ русскихъ, которые рады видѣть на чужбинѣ дорогихъ земляковъ и наслаждаться звуками родной рѣчи. Для нѣмецкой же публики полное непониманіе русской игры затруднено выборомъ пьесы. Тѣмъ не менѣе и въ „Василисѣ Мелентьевой“ Савина проявила свое драматическое дарованіе. Несмотря на то, что историческимъ драмамъ болѣе присущъ этнографическій и художественно-историческій, нежели чисто драматическій элементъ, М. Г. Савина блестяще доказала, что она представляетъ значительное явленіе въ сферѣ драматическаго искусства.

Совершенно тоже, но въ другихъ выраженіяхъ, высказываетъ „Berl. Tageblatt“, причемъ дѣлаетъ попытку объяснить особенности русской игры національными особенностями.

Нѣмецкая публика къ сожалѣнію, не могла раздѣлить того наслажденія, которое испытывала русская, слушая исполненіе „Василисы Мелентьевой“. Тѣмъ болѣе чести для Савиной, съумѣвшей проявить столько дарованія въ нашихъ глазахъ, несмотря на чуждую намъ пьесу. Признавая въ полной мѣрѣ талантѣ отдѣльныхъ исполнителей, мы должны сказать, что въ общемъ исполненіе кажется намъ „старомоднымъ“, „академическимъ“, какъ теперь говорятъ: безжизненнымъ связаннымъ движеніемъ, сдержанностью и робостью въ каждомъ выраженіи и жестѣ. Впрочемъ, такими представляются намъ русскіе вообще: робкіе и подавленные, съ опущеннымъ въ землю взоромъ и тихой срастью, которая боится шелохнуться. Савина особенно характерно выдвигаетъ традиціи русской сцены, но освѣжая ихъ. Играя такъ сильно и въ то же время такъ сдержанно, она сближаетъ устарѣлые сценическіе приемы съ новѣйшей западно-европейской сценической теоріей, которая избѣгаетъ всего кричащаго и предполагаетъ зрителя достаточно умнымъ, чтобы по едва замѣтному движенію рѣсницъ или легкому движенію руки угадать цѣлый душевный процессъ.

„Nord. Allg. Zeitung“.

Въ исполненіи М. Г. Савиной нельзя не отмѣтить ту кошачью ласку, съ которой Василиса старается склонить своего любовника Колючу, то искусство обольщенія, которое она пускаетъ въ ходъ. Все это было такъ полно стили, такъ по-славянски (so slawisch), такъ искренно и въ то же время такъ не похоже на игру нѣмецкихъ артистовъ, что зрители были въ высшей степени заинтересованы, очарованы. М. Г. Савина не поклонница паюса, въ ея игрѣ много той естественности, того стили всенной жизни, внесеннаго въ историческую костюмную пьесу, который никакъ не можетъ получить право гражданства у насъ, нѣмцевъ.

Переломъ наступилъ съ „Татьяной Рѣпиной“, не только потому, что русская пьеса изъ современнаго быта ближе иностранцамъ, нежели историческая мелодрама, но и потому, думается, что М. Г. Савина гораздо болѣе хозяйка культурныхъ типовъ, чѣмъ бытовыхъ.

Несомнѣнно, говоритъ, „Vossische Zeit.“ — что Татьяна самая выдающаяся роль г-жи Савиной, изъ числа тѣхъ, въ которыхъ она здѣсь выступила. Впрочемъ, и сама роль даетъ артисткѣ множество случаевъ показать въ самомъ блестящемъ свѣтѣ разносторонность ея таланта. Выше всего проявилось ея дарованіе въ послѣднихъ двухъ актахъ. Въ послѣднемъ актѣ сцена смерти — мастерское произведеніе реалистическаго драматическаго искусства. Ядъ дѣйствуетъ медленно, но въ концѣ концовъ наступаетъ смерть. Это потрясающій моментъ: каждый мускулъ артистки участвуетъ въ игрѣ и какъ будто дѣйствительно видишь умершую въ тотъ моментъ, когда Савина, опустившись въ кресла, голову наклонила впередъ, глаза ея остановились и потускнѣли, лицо замерло. То было первостепенное мимическое изображеніе смерти.

Какъ образецъ интересной характеристики игры Савиной, приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ рецензіи „Berl. Tageblatt“:

Я бы сравнилъ Савину съ нашей Сорма, если бы она (Савина) обладала тѣмъ женскимъ обаяніемъ и тѣми чарами, которыми наша артистка обволакиваетъ и своего партнера, и всю публику. Есть что-то мрачное и грустное въ игрѣ Савиной, нѣчто исходящее изъ глубокаго внутренняго чувства. Сила Савиной въ горечи и разочарованіи, съ которыми она вела сцены покинутой и обманутой Дидоны. Лучшая и самая оригинальная сцена, окрашенная притомъ мѣстнымъ колоритомъ, — это третій актъ, гдѣ она въ винѣ хочетъ потопить горе. Здѣсь она обнаруживаетъ удивительную тонкость и удивительный тактъ. Горькій смѣхъ, вырывающійся изъ устъ ея, рѣжетъ по сердцу и чувствуешь неволью, что она вся помертвѣла и нѣтъ въ ней мѣста для живого чувства.

Но всѣхъ восторженнѣе отзывается рецензентъ „Nord. Allg. Zeitung“.

Героиня драмы въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Я бы показала вамъ такую художественную правду, которая потрясла бы васъ!» Именно такую художественную правду дала Марія Савина намъ въ блестящемъ изображеніи «Татьяны Рѣпиной». Это была сама жизнь, переданная на сценѣ въ тысячѣ тонкихъ оттѣнковъ; это была настоящая ужасающая смерть, та, съ которой боролась Рѣпина въ послѣднемъ актѣ. Это была не только великая техника, но и правда и простота Дузе... Исполненіе Савиной произвело впечатлѣніе внутренней правды. И такъ какъ число подобныхъ художницъ на европейскихъ сценахъ очень ограничено, то мы съ благодарною радостью приветствуемъ появленіе у насъ г-жи Савиной.

Менѣе благоприятны отзывы о „Дамѣ съ камеліями“. Одни находятъ, что М. Г. Савина недостаточно молода для Маргариты Готье (Börs. Cour.), другіе, — что она не даетъ типа французской кокетки („Ber. Tageb.“).

По поводу „Дамы съ камеліями“ рецензентъ „Tageb.“ замѣчаетъ.

Безспорное превосходство надъ нашими самыми лучшими артистками Савина обнаруживаетъ въ элегантной гибкости и выразительности движений и жеста. И въ связи съ этимъ находится ея искусство одѣваться, въ фантастическомъ и утонченномъ родѣ, и носить туалетъ съ тѣмъ вкусомъ и тою легкостью, которые едва ли встрѣтишь на берлинской сценѣ.

Но высшимъ триумфомъ М. Г. Савиной и всѣхъ нашихъ русскихъ актеровъ была „Родина“. Артистовъ вызвали болѣе 20 разъ. Толпа кричала: „hoch!“ „Berl. Tageblatt“ пишетъ по поводу этого спектакля.

Прежде всего нужно признать, что ансамбль былъ великолѣпенъ, если даже согласиться съ тѣмъ, что нѣкоторые чисто нѣмецкіе характеры были представлены въ чуждомъ для насъ освѣщеніи. Послѣ перваго уже акта, въ которомъ, какъ извѣстно, Савина—Магда, не появляется, артисты были вызваны 4 раза, — съ такимъ энтузіазмомъ отнеслась публика къ представленію. Затѣмъ появился героиня. Савина изображаетъ въ противоположность нашимъ актрисамъ, не столько необузданную цыганскую натуру, вернувшуюся въ отчій домъ, сколько много испытавшую въ борьбѣ за жизнь женщину. Это сообщало ея исполненію, не смотря на остроту первыхъ столкновений, что-то смягченное и обаятельное. Чудесная мимика, тонкія интонаціи, сквозь которыя пробивались нотки неукротенной артистической гордости, — все это придавало ея созданію дѣйствительно въ высшей степени жизненный характеръ, и ни малѣйшей черты комедіанства, въ которое такъ легко можно впасть въ этой роли. Восторгъ публики принялъ совершенно неслыханные для Берлина размѣры, и если честь всѣхъ вызовы, то ихъ, пожалуй, будетъ больше 20. Зрители, и въ значительномъ числѣ нѣмцы, могли слѣдить свободно за ходомъ дѣйствія. Антуражъ былъ вполне достоинъ Савиной. Назовемъ г-жу Стравинскую — Мари, Пушкину — Франциску, Долинова — пастора, Новинскаго — Келлеръ и Горева — Шварце. Всѣ они имѣли шумный успѣхъ.

ХРОНИКА театра и искусства.

Совѣтъ Театральнаго Общества, какъ мы слышали, послалъ въ Берлинъ союзу своему, М. Г. Савиной, телеграмму съ привѣтствіемъ по поводу ея успѣховъ въ столицѣ Германіи.

11 апрѣля, въ 1 ч. дня, въ фойе Александринскаго театра, состоится Общее годовое собраніе членовъ Русскаго Театральнаго Общества. Предметы занятій:

- 1) Отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта и средствахъ Общества за 1898 годъ; смета доходовъ и расходовъ на 1899 г.
- 2) Отчетъ ревизіонной комисіи и объясненія Совѣта на замѣчанія комисіи.
- 3) Выборъ членовъ Совѣта взаменъ выбывающихъ.
- 4) Выборъ одного кандидата въ члены Совѣта.
- 5) Выборъ пяти членовъ ревизіонной комисіи и кандидатовъ къ нимъ (§ 39).
- 6) Предложеніе Совѣта объ избраніи почетнаго члена Общества.
- 7) Предложеніе Совѣта о полномочіи члену Совѣта, проживающему въ Москвѣ, выдавать небольшія пособія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательствъ.

8) Утвержденіе инструкцій казначею и бухгалтеру.

9) Пересмотръ постановленія Общаго Собранія объ отчисленіи % на содержаніе могилъ артистовъ.

Въ случаѣ если назначенное на 11 апрѣля 1899 года общее собраніе не состоится за неявкой числа членовъ, требуемаго для дѣйствительности собраній, второе собраніе (на основаніи § 35 уст.) назначается на 25 апрѣля, въ томъ же помѣщеніи, въ 1 ч. дня, причемъ это собраніе будетъ считаться дѣйствительнымъ независимо отъ числа присутствующихъ членовъ.

* * *

Ежегодное собраніе членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ (живущихъ въ Петербургѣ), по обыкновенію, состоялось 30-го марта. На обсужденіе собраніи были предложены вопросы, подлежащіе рѣшенію общаго собранія членовъ общества въ Москвѣ. Въ собраніи, по уставу, присутствовали лишь дѣйствительные члены общества, въ количествѣ десяти человекъ а именно: В. А. Крыловъ, П. П. Гнѣдичъ, Н. Д. Павловъ, М. П. Федоровъ, В. І. Вилибинъ, Л. Л. Ивановъ, И. Л. Щегловъ, А. О. Крюковский, З. Б. Осетровъ и И. Н. Захаринъ, владѣющихъ девятнадцатью голосами. Изъ общаго числа членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей (684 человекъ) дѣйствительныхъ членовъ (пользующихся правомъ голоса) считается 91. Изъ этого числа нѣсколько членовъ имѣютъ 3 голоса (трое) и 2 голоса (тринадцать членовъ). Предсѣдателемъ собранія 30-го марта былъ единогласно (sic!) выбранъ В. А. Крыловъ. Общаго сбора за представленіи по всей Россійской Имперіи шесть членовъ общества въ 1898 году обществомъ было получено 177,035 р. 95 к., на 20,000 р. слишкомъ больше чѣмъ въ предыдущемъ году. Вознагражденіе членовъ комитета (собственно секретаря и казначея) выразилось слѣдующими цифрами: секретарь получилъ въ 1898 году болѣе 13,000 рублей, а казначей около 4,000 р. На памятникъ А. Н. Островскому къ январю 1899 года числилось 17,343 р., а капиталъ грибоѣдовской преміи достигъ суммы 10,661 р. По выслушаніи доклада комитета и заключенія ревизіонной комисіи, засѣданіе обсуждало слѣдующее предложеніе комитета и ревизіонной комисіи: 1) о вознагражденіи обществомъ тѣхъ изъ членовъ комитета, которые не получаютъ вознагражденія за свои труды. Собраніе постановило: выдавать членамъ комитета, не получающимъ жалованья (пяти лицамъ) по 1,200 рублей въ годъ, каковая сумма должна быть раздѣлена между ними не поровну, а соотвѣтственно числу посѣщеній ими засѣданій комитета; 2) на предметъ выработки правилъ и основаній для пользованія 52 тысячнымъ фондомъ общества собраніе избрало особую комисію изъ слѣдующихъ дѣйствительныхъ членовъ: П. П. Гнѣдича, Н. Д. Павлова, М. И. Чайковского, М. Л. Кропивницкаго, Д. А. Мансфельда и Н. И. Музиля; 3) предложеніе комитета отпраздновать день 25-ти-лѣтія существованія общества молебствіемъ, завтракомъ, раздачею членамъ о-ва отчета о дѣятельности общества за 25 лѣтъ, учрежденіемъ стипендіи имени А. Н. Островскаго въ московскомъ университетѣ для сыновей членовъ общества и присвоеніемъ уже существующей при убѣжищѣ престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей стипендіи имени покойнаго Родиславскаго, было принято, за исключеніемъ расхода въ 1,500 руб. на завтракъ; 4) предложеніе комитета выдавать агентамъ общества за ихъ 25-ти-лѣтнюю службу подарки, состоящіе изъ золотыхъ часовъ (съ цѣпочкой?), стоимостью въ 125 руб., было принято собраніемъ съ тою поправкою, что вмѣсто часовъ должны быть выдаваемы жетоны такой же цѣнности; 5) для чествованія, 26-го мая этого года, памяти А. С. Пушкина, комитетъ выработалъ и предложилъ собранію слѣдующую программу: заупокойная обѣдня и панихида въ Москвѣ и Петербургѣ, возложеніе къ памятнику Пушкина вѣнка отъ общества, учрежденіе стипендіи имени поэта въ московскомъ университетѣ (преимущественно для сыновей членовъ общества), ассигнованіе 1,000 р. на памятникъ Пушкину въ Петербургѣ или въ с. Михайловскомъ и, наконецъ, учрежденіе при обществѣ преміи имени А. С. Пушкина. Собраніе приняло эту программу, за нѣкоторыми исключеніями, а именно: 4,000 рублей, ассигнуемыя на стипендію имени Пушкина, собраніе предложило присоединить къ 4,000 р., отчисленнымъ на стипендію имени А. Н. Островскаго, затѣмъ было постановлено, что испрашиваемые комитетомъ 1,000 рублей должны быть употреблены на памятникъ не въ с. Михайловскомъ, а въ Петербургѣ; послѣднее же предложеніе комитета объ учрежденіи пушкинской (по образцу грибоѣдовской) преміи было единогласно отвергнуто; 6) по инициативѣ члена общества В. В. Вилибина, собраніе сдѣлало слѣдующія постановленія: поручить комитету: 1) при всѣхъ будущихъ изданіяхъ печатнаго каталога пьесъ членовъ общества отмѣчать: а) осо-

бымъ знакомъ—пѣсы, упомянутыя въ общемъ списокѣ безусловно дозволенныхъ пѣсѣ, изданія главнаго управленія по дѣламъ печати, сдѣлавъ соотвѣтственные объясненія въ заголовкѣ каталога, и б) указаніемъ номеровъ „Правительственнаго Вѣстника“—пѣсы безусловно дозволенные, послѣ изданія сего списка; 2) при изданіи дополненій каталога—перепечатывать изъ того же официальнаго изданія списки пѣсѣ, безусловно дозволенныхъ. Затѣмъ, собраніе, обсудивъ предосудительный поступокъ одного изъ своихъ членовъ, С. А. Т., единогласно постановило исключить его изъ состава членовъ навсегда, согласно указанію ст. 20 устава общества. Въ члены комитета избраны В. А. Крыловъ и И. И. Барышевъ (взаимно выбывающихъ М. П. Садовскаго и И. И. Барышева). Членами ревизіонной коммисіи избраны: О. К. Ноговичъ, Е. П. Карповъ, Д. В. Гаринъ, З. Б. Осетровъ и Н. И. Музиль, съ кандидатами А. М. Невскимъ, Ф. А. Коршемъ и Влад. И. Немировичемъ-Данченко. Наконецъ, въ судьи для оцѣнки пѣсѣ, представляемыхъ на соисканіе грибоѣдовской преміи, выбраны: М. Н. Ермолова, Ф. Н. Плевако и кн. Д. Цертелевъ, съ кандидатами къ нимъ гг. Ленскимъ (артистъ московскаго Малаго театра) и гр. Салиасомъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Саратова. Носятся слухи, что на предстоящій зимній сезонъ (1899—1900 г.) г. Бородай едва ли возобновитъ контрактъ съ городомъ по арендѣ городского театра. Если это правда, то причину во всякомъ случаѣ нужно искать въ почти оформленной уже г. Бородаемъ арендой нижегородскаго театра. Три театра—это, пожалуй, уже „немного много“. Нашъ театръ малоодоходный, и городскому управленію слѣдовало бы пойти на компромиссъ перестройки театра, дополнить субсидію и т. п. Тогда только можно дать нашей публикѣ то, къ чему мы привыкли, т. е. хорошо организованную какъ драматическую, такъ и оперную труппу.

Въ извѣстномъ противорѣчій съ корреспонденціею находится слѣдующее сообщеніе „Нов. Дня“.

Нижегородскій театръ сланъ г-жѣ Азогаровой и г. Корсикову, хотя было шесть другихъ конкурентовъ и хотя въ принципѣ театръ было уже раньше рѣшено сдать г. Бородаю, вслѣдствіе того, что матеріальную поддержку этой антрепризѣ оказываетъ извѣстный пароходчикъ-театраль Б., который обезпечилъ городу его аренду, г-жѣ Азогаровой и другимъ артистамъ—ихъ обычное жалованье, независимо отъ сборовъ. Г. Б.—въ обязался также заплатить неустойку въ 1.500 р. за г-жу Азогарову г. Бородаю, съ которымъ она подписала контрактъ въ Саратовѣ. Въ труппу г-жи Азогаровой уже вступили изъ коршевской труппы г-жа Омута, гг. Свѣтловъ и Тугановъ.

Въ труппѣ коршевскаго театра образуется такимъ образомъ серьезная брешь, которую по нынѣшнимъ скуднымъ временамъ трудно заполнить.

* * *

Возобновленный съ ослѣпительной роскошью въ прошломъ сезонѣ „Донъ-Жуанъ“ Моцарта, снова появился въ репертуарѣ и, вѣроятно, исключительно для дебютовъ Баттистини. Такъ или иначе, слѣдуетъ замѣтить, что произведеніе Моцарта, сыгравшее столь важную роль въ развитіи оперы и заключающее поразительныя по свѣжести вдохновенія отрывки, въ общемъ, все же устарѣло и смотрится, говоря безъ фарисейства, не безъ скуки. Главнымъ виновникомъ является тутъ либретто, нелѣпое до смѣшнаго, да и речитативы (*recitativo secco*) подъ аккомпаниментъ фортепіано также вносятъ однообразіе, граничащее съ классической скукой.

Главный герой оперы „Донъ-Жуанъ“, въ лицѣ Баттистини, напелъ себѣ исполнителя, въ сценическомъ отношеніи не безупречнаго. Гдѣ веселость и элегантность, которыя требуются ролью? Даже костюмы, которые артистъ мѣнялъ со скоростью любого трансформиста, отличались рѣдкой безвкусицей. Намъ остается искать утѣшеніе въ его пѣніи, и мы его находимъ въ тѣхъ номерахъ партитуры, гдѣ чудный голосъ пѣвца не встрѣчаетъ преграды, въ видѣ низкихъ нотъ, которыхъ у Баттистини нѣтъ. Вотъ почему ему удался дуэтъ съ Церлиной, а въ особенности серенада, и не удалась вакхическая пѣснь. Серенадой Баттистини вызвалъ общій восторгъ, который вполне понятенъ, но тутъ приходится сдѣлать оговорку, что восторги законны только по отношенію къ вокальной сторонѣ исполненія, но отнюдь не къ передачѣ прелестной серенады, требующей моцартовскаго, а не италіанскаго стиля. Баттистини превращаетъ серенаду въ пѣсенку *à la „donna è mobile“* и впадаетъ въ грубую ошибку: выкрутасы, которые онъ продѣлываетъ въ серенадѣ, нарушаютъ ея настроеніе. Но чего не простишь человѣку „поющему“? Ахъ, это такая рѣдкость въ наше время, когда оперная сцена сдѣлалась ареной состязанія драматическихъ артистовъ.

Женскія роли находились въ рукахъ г-жи Сіонницкой, (Донна-Анна), Козаковской (Донна-Элвира), Больска (Церлина). Последняя была лучше двухъ первыхъ. Церлина—Больска даетъ иллюзію деревенской кокетки и вноситъ оживленіе въ оперу, чего нельзя сказать „про мрачныя фигуры“ Донны-Анны, Элвиры и Донъ-Оттавіо (Ершовъ), этихъ „*Spasverderber*“, какъ бы сказали нѣмцы. Ихъ черныя одежды и мрачный видъ могли бы служить ходячей рекламой любому похоронному бюро. Г-жа Сіонницкая, давно не пѣвшая у насъ, актриса опытная и нѣкогда обладала прекраснымъ голосомъ, который еще сохранила въ среднемъ регистрѣ, но верхи уже тронуты. Самоотверженно она исполнила неблагодарную и крикливую партію Донны-Анны. Элвира—Козаковская была недурна въ вокальномъ отношеніи. Изъ мужского персонала отмѣтимъ гг. Серебрякова (командора), Шаронова (Мазетто), Ершова (Донъ-Оттавіо) и Силича (Ленорелло), дебютировавшего въ этотъ вечеръ. Его басъ, нѣсколько суховатаго тембра, могучъ, но красоты звука въ немъ мало. Типа Ленорелло, этого испанскаго Расплюева, онъ не понялъ. Онъ мало поворотливъ, не достаточно ловокъ и даетъ скорѣй типъ добраго малаго, чѣмъ слугу такого синьора, какъ Донъ-Жуанъ.

Какъ сказано выше—обстановка блестящая. Зачѣмъ при исполненіи моцартовскихъ оперъ въ оркестрѣ возсѣдаетъ такой большой составъ музыкантовъ? Вѣдь Моцартъ, создавая партитуру, вовсе не рассчитывалъ на него. Это нежелательный анахронизмъ. Если вершители судебъ нашей оперы стремятся къ правдѣ на сценѣ, въ обстановкѣ и костюмахъ, то зачѣмъ не обратятъ вниманіе и на этотъ пробѣлъ?

Оперой дирижировалъ г. Крушевскій, который въ сценѣ бала не далъ вступленія оркестрикамъ на сценѣ, вслѣдствіе чего контрапунктическій эффектъ совершенно пропалъ

Tritonus.

* * *

Второй экзаменаціонный спектакль учениковъ Театральнаго училища по классу П. Д. Ленскаго состоялся 29 марта и прошелъ весьма удачно. Я приписываю это хорошему выбору пѣсѣ,—или позвольте быть точнѣе въ выраженіяхъ: выбору хорошихъ пѣсѣ. Шли отрывки изъ „Женитьбы“, „Женитьбы Бальзаминова“ и „Предложеніе“ Чехова. Дурно было только то, что въ началѣ была поставлена двухактная нѣмецкая комедія „До поры, до времени“, которую въ свое время г. Крыловъ „обработалъ“ для русской сцены. Можно, какъ говорится, принципиально поставить вопросъ: слѣдуетъ ли учениковъ на такой пошлости обучать сценическому искусству, а тѣмъ паче, слѣдуетъ ли ихъ въ подобныхъ пѣсахъ выпускать на экзаменахъ? Такія произведенія, посягающія черты ремесленности, можно смотрѣть въ исполненіи опытныхъ актеровъ, которыхъ спасаетъ техника, которые могутъ прельстить зрителя законченностью сценическихъ формъ, но для учениковъ они такъ же вредны, какъ какія нибудь шансонетки для юнаго піаниста или учащагося скрипача.

Я объясняю успѣхъ второго ученическаго спектакля именно тѣмъ, что кромѣ комедіи „До поры, до времени“, разыгранной слабѣ прочихъ, остальные пѣсы давали матеріалъ для учениковъ, и ихъ природныя способности, блѣднѣвшія отъ соприкосновенія съ ремесленною самодѣльщиною, наоборотъ, получали и свѣтъ, и краски тѣхъ жизненныхъ образовъ, которые имъ надлежало воплотить.

Въ „Женитьбѣ“ выступили два болгарина, гг. Ганчевъ и Сарафовъ. Оба обладаютъ несомнѣнными способностями. Г. Ганчевъ, кажется, сильнѣе, чѣмъ г. Сарафовъ, но и второй отличается живостью и веселостью на сценѣ. Изъ г. Ганчева выработается серьезный комикъ, конечно, для болгарскаго театра, потому что акцентъ у болгаръ очень сильный, да, вѣроятно, ихъ прельщаетъ не русская сцена, а возникающая новая болгарская, которой нужны работники и пионеры драматическаго искусства.

Въ „Женитьбѣ Бальзаминова“ выдвинулись ученицы Осташевская, отличающаяся значительною опытностью и вполне теперь уже пригодная для ролей комическихъ и бытовыхъ, и г-жа Топорская, съ мягкою простотою и граціею изобразившая Раису. Для меня, въ лицѣ г-жи Топорской, неясно только одно: хватитъ ли у нея способностей на то, что бы сыграть центральную роль, ибо бываютъ очень даровитые артисты, но только для эпизодическихъ ролей. Во всякомъ случаѣ въ роли Раисы г-жа Топорская обнаружила дарованіе, но хрупкое и такое, которое слѣдуетъ тщательно оберегать.

Остается упомянуть о г. Крашенинниковѣ, обладающемъ способностями простака (Бальзаминовъ) и г. Трофимовѣ, экзаменовавшемся въ „До поры, до времени“, и повидимому, вполне подготовленномъ для сцены. Г-жа Бронникова—ученица, достаточно бойкая и обученная. Г-жа Карелина еще разъ подтвердила отсутствіе экспрессивности, которую ей нужно въ себѣ всячески вызывать.

А. К.

* * *

† В. В. Чуйко.

† В. В. Чуйко. 26 марта скончался Владимиръ Викторовичъ Чуйко, извѣстный литераторъ и ученый, авторъ обширнаго сочиненія о Шекспирѣ, выдержавшаго нѣсколько изданій.

Покойный Владимиръ Викторовичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ сѣятелей знанія, которыхъ при жизни цѣнить мало, но потерю которыхъ съ особенною силою чувствуешь, когда ихъ уже нѣтъ. Всю свою жизнь провелъ между книгъ, В. В. боялся чуждой ему жизни и смотрѣлъ на нее черезъ книгу „умственнымъ“ взоромъ ученаго. Вотъ отчего въ его сочиненіяхъ нельзя найти никакихъ откликовъ на запросы современности и на злобу дня. По природѣ своей онъ былъ метафизикъ. Помню его маленькую, сухощавую фигурку, словно засохшую между книгъ и рукописей. Онъ отыскиваетъ какую-то цитату. Память измѣняетъ ему; онъ морщитъ лобъ, стараясь припомнить страницу,—но всѣ усилія тщетны. Тогда раздражительно захлопнувъ книгу, старый писатель закрываетъ лицо рукою и, на минуточку „уйдя въ себя“, вдругъ вскакиваетъ, снова открываетъ книгу и безо всякаго затрудненія находитъ злополучную цитату.

— Ну вотъ я такъ и зналъ, вотъ она. Сто третья страница, пятая строка сверху, — радостно восклицаетъ онъ, постукивая пальцами по фоліанту, отъ котораго во всѣ стороны летитъ пыль.

Такия простыя радости скрапивали всю его жизнь. Онъ довольствовался малымъ, былъ скромненъ отъ природы, и это обстоятельство отчасти развило въ немъ усидчивость и много помогало ему въ его литературныхъ трудахъ. Извѣстное сочиненіе о Шекспирѣ, составляющее единственный солидный трудъ въ нашей литературѣ, было окончено имъ, только благодаря природной способности работать, не покладая рукъ.

Передо мной лежитъ эта большая, роскошно изданная книга, гдѣ каждая страница согрѣта чувствомъ благоговѣнія, съ которымъ относился Чуйко къ Шекспиру. Многолѣтній трудъ, самое подробное знакомство съ матеріалами легло въ основаніе этого сочиненія. Характеристики шекспировскихъ героев, если не блещутъ новизной, то во всякомъ случаѣ помогаютъ читателю разобраться въ наиболѣе спорныхъ вопросахъ психологіи. Чуйко, шагъ за шагомъ, прослѣдилъ душевную драму Шекспира, насколько она отразилась въ его произведеніяхъ. Онъ избѣгалъ навязывать читателю свое личное мнѣніе насчетъ того или другого нравственнаго перелома въ душѣ Шекспира, но изъ сопоставленія фактовъ было ясно, что онъ за всѣми этими страждущими грозными или радующимися типами видѣлъ одну великую душу, одно сердце. Вотъ почему сочиненіе Чуйко о Шекспирѣ можетъ быть названо *хорошей* книгой не только въ отношеніи литературной добросовѣстности, но и съ точки зрѣнія общечеловѣческой доброты.

Мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что покойный В. В. принадлежалъ къ числу поклонниковъ и послѣдователей Тэна. Думаю, что въ этомъ мнѣніи есть извѣстная доля правды. Разница въ размѣрахъ таланта не берется въ расчетъ. Покойный, во всякомъ случаѣ, былъ ученымъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, не специализируя себя въ

какомъ-нибудь одномъ предметѣ, но постоянно обогащая сокровищницу своихъ познаній новыми свѣдѣніями. Чуйко тяготѣлъ къ метафизикѣ, но творческій умъ Тэна, воспитанный на естественныхъ наукахъ, былъ болѣе глубокъ и болѣе положительнъ, нежели литературный умъ Чуйко.

Въ исторіи русской литературы В. В. будетъ отведено почетное мѣсто не только какъ страстному любителю искусства, но и какъ одному изъ видныхъ и энергичныхъ поборниковъ „европеизма“, яснымъ выразителемъ котораго онъ былъ неизмѣнно, не смотря на тучу надвигавшагося „Мракобѣсія“.

Юр. Б—ев.

* * *

Надняхъ кружкомъ литераторовъ праздновался, вѣрнѣе, былъ отмѣченъ 30-лѣтній юбилей небезызвѣстнаго драматическаго писателя и переводчика В. С. Лихачева. Хотя мы считаемъ немного страннымъ 30-лѣтній юбилей, тѣмъ не менѣе пользуемся случаемъ выразить почтенному автору наши лучшія пожеланія. В. С. Лихачевъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ переводчикъ. Переводъ „Тартюфа“ удостоенъ почетнаго отзыва Императорской академіи наукъ, а „Школа женъ“—пушкинской преміи. Кромѣ этого Лихачевымъ сдѣланы переводы „Донъ-Жуана“ и „Скупого“ Мольера, „Сида“ Корнели и „Натана Мудраго“ Лессинга. В. С. Лихачевымъ написано нѣсколько оригинальныхъ пьесъ: „Въ родственныхъ объятіяхъ“, „Примѣрная жена“, „Проучила“, „Для мужа“, „Торжество побѣдителя“, „Жизнь Илимова“. Изъ нихъ лучшія—„Въ родственныхъ объятіяхъ“, и „Жизнь Илимова“. Обѣ даются довольно часто въ провинціи.

Въ настоящее время В. С. Лихачевъ готовится къ печати переводъ „Маринъ Стюартъ“ Шиллера.

* * *

„Новое обозрѣніе“ у Неметти въ сущности вовсе не новое, а только подновленное. Тѣ же самыя остроты мы слышали и этимъ лѣтомъ, и въ прошломъ году и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тутъ неизмѣнный гласный, тотализаторъ, конка, брянскія акціи, биржевики и извозчики. Нѣкоторое разнообразіе вноситъ веселое тріо: Обыватель (г. Фатѣвъ), Невская вода (г-жа Бауеръ) и Ладожскій ледъ (г. Писаревъ), но и то потому, что ихъ куплеты и костюмы очень прозрачны. Можно было ожидать большаго и отъ 3-ей картины, носящей названіе „На горизонтѣ театральнаго неба“, Все также хорошо поетъ свои цыганскіе романсы г-жа Вальцева. Интересны имитации г-жи Леоновой, которая поочереди является то Гальтонъ, то Кавальери, то Отеро и одинаково хорошо передаетъ ихъ манеру пѣть и танцовать. Ея достойными партнерами являются гг. Брянскій и Фатѣвъ, но за то г-жа Бауеръ достигла очень малаго въ отношеніи имитации, хотя и „старается“...

Ю. Б.

* * *

Лѣтомъ въ театрѣ Неметти назначены къ постановкѣ двѣ новыхъ интересныхъ оперетки „Мусмэ“ (Временная жена) и „Перелетныя птицы“. Обѣ оперетки принадлежатъ одному автору—г. Попову—Владимову, небезызвѣстному преподавателю музыки и организатору музыкальныхъ классовъ въ Соляномъ Городкѣ.

Н. В. Самойлова (см. № 13).
(Со старинной литографіи).

Микка Ерсфельтъ.

Русское музыкальное общество устроило благовременный и интересный музыкальный вечеръ, посвященный вокальнымъ произведеніямъ, написаннымъ на текстъ А. С. Пушкина.

Идея такого вечера весьма занимательна. Настроение, индивидуальность поэта отражается ли на музыкальномъ авторствѣ? Это—привѣтка извѣстнаго музыкальнаго спора о томъ, чѣмъ должна быть музыка и какъ ей должно развиваться. Слѣдовало бы еще сопоставить романсы различныхъ авторовъ на одинъ и тотъ же пушкинскій текстъ. Здѣсь невольно приходишь къ убѣжденію, насколько ошибаются тѣ, кто ищетъ въ звукахъ идею мысли, реализма, подобнаго реализму слова. Если бы подобная правда могла быть достигнута, то каждый романсъ на слова Пушкина носилъ бы свою особенную музыкальную физиономію. Между тѣмъ, на дѣлѣ въ романсахъ всегда преобладаетъ оліомобразный музыкальный элементъ, соответственно индивидуальности композитора.

Выборъ исполнителей былъ довольно хорошій. Большой успѣхъ имѣла г-жа Бакмаксонъ, образцовая исполнительница романсовъ, отличающаяся прекрасною фразировкою. Ей удалось какъ лирическія вещи: «Заклинаніе» и «Пѣвѣтокъ захолоній» Кюи, такъ и полумористическія: напримѣръ «Стрелотунья-бѣлобока» Мусоргскаго. Но особенно хорошо она спѣла романсъ Бородина: «Для береговъ отчизны дальней», который и должна была повторить.

Романсы Кюи («Я васъ любилъ») и Даргомыжскаго («Восточная арія») г-жа фонъ-Бремзенъ, обладающая пріятнымъ низкимъ сопрано, спѣла очень музыкально, хотя не достаточно тепло. Пѣвица должна была повторить «Восточную арію». Сопрано г-жи Кристманъ колоратурное, италіанскаго типа. Она исполнила романсы Паправника, Блуменфельда и др. Стиль русскихъ романсовъ ей мало удастся. Очень много романсовъ исполнилъ баритонъ г. Кедровъ, музыкально и съ должнымъ выраженіемъ. Особенно ему удалось «Пушкинъ и Мицкевичъ» Кюи, «Мельникъ» Даргомыжскаго, «Я видѣлъ смерть» Аренскаго.

Изъ хоровъ сильное впечатлѣніе произвела «Вакхическая пѣсня» Кюи.

* * *

Лѣтній театръ «Эрмитажъ» будетъ перестроенъ заново. Разрѣшеніе уже получено. Театръ и садъ будутъ переименованы въ «Олимпію». Это звучитъ болѣе классически.

* * *

Изъ «кины заявленій».

Покорнѣйше прошу редакцію «Театра и Искусства» сообщить, издается ли въ настоящее время «Театраль»? Читальней мастерскихъ Кур.-Харьк.-Севастоп. дороги послано 8 р. подписной платы на журналъ, между тѣмъ до сихъ поръ не получено ни одного №. Редакція «Театрала» запрашивалась 2 раза (по адресу: г. Москва, Страстной переулокъ д. Адельгейма) и отвѣта не получено.

Издается «Театраль» или нѣтъ? Съ этимъ вопросомъ обращаются къ намъ многіе. Что отвѣтить? Мы не видали журнала въ глаза, когда онъ выходилъ исправно, тѣмъ болѣе не видимъ теперь, когда онъ не выходитъ; не знаемъ, для чего и для кого онъ издавался, и жалѣемъ доверчивыхъ подписчиковъ.

* * *

Среди многихъ безцѣльныхъ концертантовъ, обратила на себя серьезное вниманіе совершенно нова, но тѣмъ не менѣе, крайне интересная артистка г-жа Ерсфельтъ. Г-жа Микка Ерсфельтъ получила музыкальное образованіе въ Гельсингфорсѣ, въ музыкальной школѣ; окончивши курсъ, она, какъ особенно талантливая ученица, была послана на казенный счетъ въ Парижъ къ Маркези для усовершенствованія. Послѣ Парижа г-жа Ерсфельтъ отправилась въ Берлинъ къ проф. Гей для основательнаго ознакомленія съ серьезной нѣмецкой музыкой. Затѣмъ она получила ангажементъ сначала въ Бреславль и Дюссельдорфъ, а потомъ и въ Берлинъ въ Королевскую оперу. Репертуаръ г-жи М. Ерсфельтъ состоитъ изъ 33 оперъ.

Выступивъ впервые 27 февраля въ залѣ Кредитнаго Общества, г-жа Ерсфельтъ имѣла въ полномъ смыслѣ слова выдающійся успѣхъ, и была приглашена участвовать 27 с. м. въ экстренномъ симфоническомъ собраніи Импер. Русск. Муз. Общ. Даровитая артистка выступаетъ еще въ одномъ концертѣ 6 апрѣля въ залѣ Кредитнаго Общества.

* * *

Довольно рѣдкое въ уголовной практикѣ дѣло разбирается 1 апрѣля въ окружномъ судѣ по обвиненію «директора» «Аквариума» Александрова въ томъ, что передъ окончаніемъ лѣтняго сезона, 6 августа, онъ допустилъ неподлинны на сценѣ педозволенные французскія шапсонетки артистками Дебріежъ, Милкетти (по паспорту Екаторина Кузнецова) и Лили Бантъ.

Какъ извѣстно, при разрѣшеніи театральныхъ антрепризъ, отбирается подписка въ томъ, что педозволенные цензурою вещи исполнятся не будутъ. Такимъ образомъ, формальное обвиненіе совершенно ясно и законно. Поэтому намъ представляется страннымъ слѣдующее разсужденіе одной петербургской газеты:

Положеніе антрепренера въ этомъ отношеніи по истинѣ критическое. Онъ никоимъ образомъ не можетъ предусмотрѣть, что придетъ въ голову «этуали» спѣть въ угоду публикѣ, сверхъ программы, или какое выкинуть колѣние. Можетъ быть, она прыгнетъ черезъ рампу, а можетъ быть въ шансонетку ввернетъ такой куплетикъ, отъ котораго самый занавѣсъ со сцѣды загорится.

Все это вполнѣ возможно, но выводъ отсюда одинъ: не слѣдуетъ держать такихъ «этуалей», отъ которыхъ занавѣсъ можетъ загорѣться. Въ томъ-то и дѣло, что «господинъ директоръ» не обладаетъ ни вкусомъ, ни глазомѣромъ и не держится никакой программы. Его цѣль, чтобы «господамъ правилось». Отсюда — прибыльность театраль-

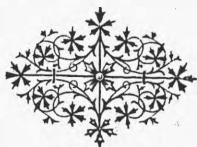

Роза Ретти.

(Къ гастрольямъ нѣмецкой труппы г. Бока).

ныхъ авторитетъ извѣстнаго сорта, по отсюда же и нѣкоторые терни этого благороднаго поприща.

Кассационное рѣшеніе по дѣлу извѣстныхъ пансонетныхъ пѣвчечекъ Филиппо и Бланшъ-Гандонъ 1871 г. разъясняетъ, что отвѣтственность за безстыдныя дѣйствія падаетъ на виновныхъ и не распространяется на „господина директора“. Едва ли такая отвѣтственность имѣетъ какое-нибудь значеніе. Для того, кто публично совершаетъ „безстыдныя дѣйствія“, штрафъ или другое незначительное наказаніе не страшны, ибо чѣмъ ниже его репутація, тѣмъ это, въ сущности, выгодно съ профессиональной точки зрѣнія. Но г. директоръ, не теряя ничего въ своей репутаціи, богатѣетъ по мѣрѣ того, какъ „этуали“, балансируя на границѣ дозволеннаго и недозволеннаго, вызываютъ восторги веселой публики. Простая справедливость требуетъ поэтому отвѣтственности „интеллектуальнаго виновника“ нецензурныхъ пѣсенъ и движеній...

Театральныя замѣтки.

Читатели, безъ сомнѣнія, со вниманіемъ прочитали выдержки изъ нѣмецкихъ газетъ по поводу гастролей нашихъ артистовъ въ Берлинѣ. Въ общемъ, это вѣрныя и правильныя сужденія. Конечно, попадаются погрѣшности. Такъ, нѣмецкая критика совершенно не оцѣнила г. Аполлонскаго, актера, безспорно, съ серьезными достоинствами, въ то же время переоцѣнивъ другихъ. Но это уже результатъ гастрольной системы, которая ставитъ, вообще, всю труппу не столько въ фальшивое, сколько въ неопредѣленное положеніе. Ошибки нѣмецкой критики въполнѣ простительны. Но въ главномъ, она не ошиблась. Она не только оцѣнила талантъ М. Г. Савиной, но съумѣла подойти къ нему именно съ той стороны, съ которой слѣдовало. Незнакомство съ русскою жизнью, съ русскими авторами, съ русскою исторіею не помѣшало рецензентамъ нѣмецкихъ газетъ разглядѣть въ М. Г. Савиной актрису современности, актрису жизненной драмы, а не мелодрамы, наконецъ, актрису драматическую по преимуществу, которой глубина въполнѣ соответствуетъ надорванности современной души, но которая стоитъ въ противорѣчій съ героическимъ характеромъ бывшихъ страстей и столкновений.

Наиболѣе значительнымъ и цѣннымъ я считаю, безспорно, огромный успѣхъ нашей артистки въ Магдѣ. Если читатели помнятъ, я говорилъ, что бытвой и національный репертуаръ наименѣе пригоденъ для того, чтобы познакомить иностранцевъ съ нашей школой сценическаго искусства; во-вторыхъ, что крайне интересно для пытливаго ума театрала разобратъ въ томъ, какъ толкуетъ иностранный актеръ пьесу отечественнаго репертуара. „Родина“ Зудермана крайне удобна въ этомъ отношеніи. Я не знаю пьесы, въ которой, съ одной стороны, было бы столько нѣмецкаго—*echt-deutsche*, а съ другой—въ которую можно было бы вложить столько общечеловѣческаго.

М. Г. Савина играла Магду совсѣмъ не такъ, какъ ее играютъ нѣмецкія актрисы. Я знаю, какъ онѣ ее играютъ, собирая съ большою тщательностью частности бытового типа, противопоставляя суровый, почти патриархальный складъ доброй нѣмецкой семьи цыганщинѣ блудной дочери и сводя столкновеніе идей и чувствъ отчужда дома къ новому варианту вопроса о чести. Припомните Зудермановскую „Честь“. Робертъ Хейнеке—это та же Магда. Даже концепція пьесы приблизительно одинакова. Оба возвращаются

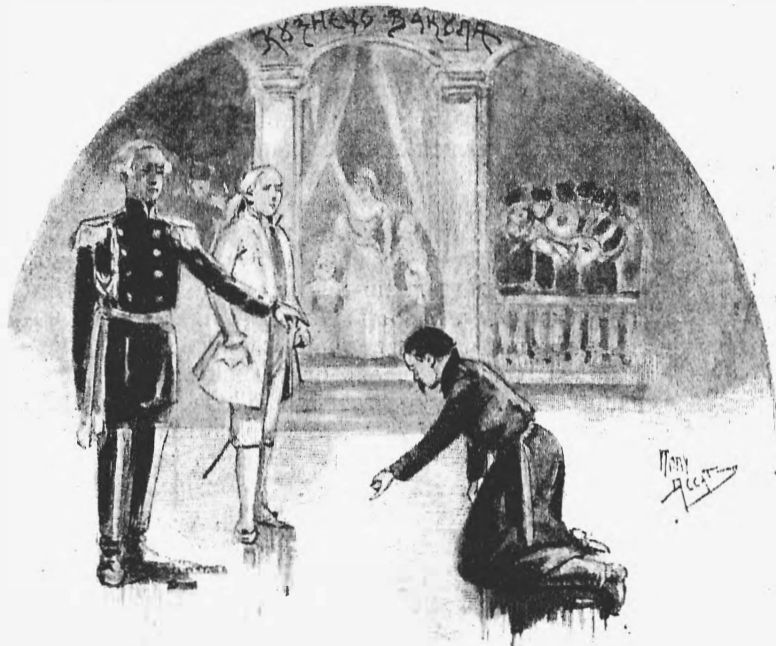
въ отчій домъ, но въ „Честь“ Робертъ приходитъ съ высоко поднятой головой и ужасается грязи, въ которой пребываетъ его „Heimat“; въ „Родинѣ“ же, наоборотъ, гордо поднимая голову „Отчій домъ“, опираясь на твердыню старины, окаменѣвшей морали и рутины. Блестящая Магда покорно склоняется подъ ярмо и смиренно идетъ на казнь.

Это чисто нѣмецкая характеристика Магды. Иной является она въ изображеніи Дузэ, Виталиани и нашей Савиной. Дузэ играетъ Магду протестанткой. Магда вся олицетвореніе протеста. Центр тяжести переносится на четвертый актъ, на знаменитые монологи Магды объ угнетеніи женщины. „Я понимаю Мари. Она получаетъ отъ семьи хлѣбъ, платье, идеи, чувства. Она всѣмъ обязана отчужда дому. Но я? Если вы предоставляли мнѣ право голодать—а я голодала—то дайте же мнѣ устроить жизнь такъ, какъ я хочу и какъ я умѣю“. Это жоржъ-зандизмъ въ новой экономической обстановкѣ, съ тою страстностью и тѣмъ налетомъ новыхъ разочарованій, которыя успѣли отравить весну женскаго освободительнаго движенія.

М. Г. Савина играетъ Магду опять нѣсколько по иному,—уставшей и израсходовавшейся. И цыганщина, и триумфы, и власть, и очарованье успѣха—все это уже успѣло прійтись. „Стоитъ явиться призраку оттуда“, говоритъ она,—„и наступитъ конецъ очарованью“. Теперешняя жизнь ей не болѣе сладка, чѣмъ прежняя. Если бы это было иначе, развѣ она дала бы себя такъ скоро связать по рукамъ и ногамъ отцовскому деспотизму? Она женщина, прежде всего, и потому несчастна, ибо у нея нѣтъ семьи; она женщина, и потому, не имѣя возможности быть *sub manu mariti*, она такъ легко отдается *sub patria potestas*... Концепція здѣсь безконечно шире, чѣмъ у нѣмецкихъ актрисъ, преслѣдующихъ бытовую правду, рисующихъ нѣмецкую жизнь, и за множествомъ особенностей этой жизни, безсильныхъ подняться до общечеловѣческаго значенія этого женскаго характера.

Еще подробность. Нѣмецкая актриса непременно выдвигаетъ клятву. „Что у тебя самое святое?“—„Мое искусство!“ „Нѣтъ, другое!“—„Мое дитя!“ „Поклянись мнѣ жизнью ребенка и т. д.“ Для нѣмца эта клятва имѣетъ значеніе нравственнаго обязательства, какъ у Луизы въ „Коварствѣ и любви“. Оттого многіе у насъ считали послѣдній актъ фальшивымъ. У Дузэ, у Савиной—эта клятва не что иное, какъ родъ полемики между отчимъ домомъ и свободной женщиной. Нѣмка страшится клятвы. Италіанка или русская видитъ въ ней новый вызовъ старой морали...

Позвольте, для поясненія моей мысли, взять еще одну иностранную пьесу, и кстати женскую роль, благо мы объ нихъ говоримъ теперь. Имѣю въ виду „Вторую жену“ А. Пинеро, тоже изъ репертуара Дузэ. Это—англійская пьеса, и хотя я не видалъ англійскихъ актрисъ, но совершенно ясно представляю себѣ тотъ характеръ, которымъ запечатлѣна англійская мистрисъ Танкерей, бывшая дама легкаго поведенія, ставшая женою настоящаго джентльмена. Вся драма будетъ держаться на бытовыхъ подробностяхъ этого ужаснаго „*schoking*“а. И чѣмъ Паула будетъ больше отзываться бывшей любовницей многихъ джентльменовъ, и чѣмъ значительнѣе будетъ пропасть, отдѣляющая ее, стигматизированную прошлымъ, отъ безукоризненнаго настоящаго, тѣмъ это будетъ понятнѣе для англійской публики. Бытовая сторона у Дузэ отпадаетъ. Дѣло не въ социальныхъ признакахъ, а въ угнетенной душѣ женщины, такой прекрасной, такой чистой, несмотря на грѣхи прошлаго. То же мы видимъ въ Маргаритѣ Готье, которую

«Кузнецъ Вакула».
(Опера Н. Е. Соловьева).

изъ созданія бульварнаго романтизма гений Дуза превращаетъ въ безконечно просвѣтленную женщину, у которой въ душѣ горитъ такая святая, несокрушимая правда любви.

И такъ, мы видимъ, что, независимо отъ степени дарованія, бытовая обстановка, вѣрность правамъ, документальная точность воспроизведенія, часто затемняютъ и во всякомъ случаѣ принижаютъ созданіе художника. Маргарита Готье, въ исполненіи Дуза, была откровеніемъ для французовъ. Она не кокетка, удивлялись французы. Да, но она гораздо больше—она женщина, она человѣкъ. Нѣчто подобное случилось съ Савиной въ Магдѣ. Это не дикая нѣмочка, вырвавшаяся изъ отчуждающаго дома, вкисившая разудалой жизни, и безсиленная противъ традиціонной морали. Это гораздо больше. Это—много выстрадавшая, претерпѣвшая женщина, которую самое давятъ и тянутъ внизъ связи съ роднымъ гнѣздомъ, и которая, вслѣдствіе неудовлетворенности своихъ новыхъ идеаловъ, едва не дѣлается жертвою старыхъ, ею же осужденныхъ возрѣній отчуждающаго дома...

Я бы могъ многое сказать по тому поводу, что русскому искусству дано познать и обнять общечеловѣческое, или какъ говорилъ Достоевскій на открытіи памятника Пушкину, что „всечеловѣкъ“ есть русское изобрѣтеніе. Я этого не скажу. Въ скромныхъ предѣлахъ настоящихъ замѣтокъ, я позволю себѣ установить тотъ простой взглядъ, что часто какъ въ критической оцѣнкѣ, такъ и въ сценическомъ искусствѣ, которое во многомъ есть родъ художественной критики, нужно отойти отъ національнаго, чтобы найти общечеловѣческое. Отойти отъ него очень трудно въ пьесѣ собственнаго репертуара, да и не нужно, потому что своя публика ищетъ картины нравовъ, жизни, въ ея мельчайшихъ подробностяхъ; потому что самая пьеса и самый театръ отвѣчаютъ потребностямъ и запросамъ современности, и авторъ, актеры и публика являются частями дѣла, которое называется современностью. Другое мы видимъ въ пьесѣ иностраннаго репертуара: она либо совершенно отпадаетъ, какъ непригодная, по исключительности ея бытовыхъ подроб-

ностей и мѣстной интриги, или отъ нея берется то, что общечеловѣчно, что интересно для всѣхъ, что говоритъ, какъ звуки музыки, всѣмъ сердцамъ, и въ такомъ очищенномъ, просвѣтленномъ, улучшенномъ видѣ, въ той новой окраскѣ, которую даетъ національность актера, предлагается театральной публикѣ... И когда это видишь, уже подъ чужимъ угломъ зрѣнія и въ новомъ толкованіи, съ чертами иного міра, по своему объясняющими идею произведенія, то начинаешь дѣйствительно цѣнить непреходящую и вѣчную красоту художественнаго образа...

Такъ играютъ Шекспира. Потому Шекспиръ и великъ, что всѣ его понимаютъ, и конечно, всякій народъ по своему. Тотъ театръ и тотъ репертуаръ, которые понятны только въ одной странѣ, а въ другой непонятны, которыхъ строй и языкъ страстей доступны одному народу, а другому недоступны, я не назову великими. Романы Достоевскаго, Толстого, Тургенева, поэзія Пушкина и Лермонтова для всѣхъ одинаково плѣнительны. Что же дѣлать, если русскій театръ еще этого не достигъ? Если не только Островскій, но даже Грибоѣдовъ, ничего не въ состояніи сказать театральной публикѣ Запада, и вызовутъ скорѣе любопытство, нежели восторгъ художественнаго чувства? Это очень грустно для національнаго самолюбія, быть можетъ, но съ этимъ слѣдуетъ примириться, и русскій театръ, съ точки зрѣнія Западной Европы, пока несомнѣнно ограничивается областью русскаго сценическаго искусства.

А. К—ель.

Круча.

(повѣсть).

(Продолженіе *).

Чемирязовъ жилъ на Петербургской, на Кронверкскомъ проспектѣ, въ собственномъ домѣ. Луганинъ, часто бывавшій у него за послѣднее время по поводу работы, отправлялся къ нему со своей Садовой всегда одной и той же дорогой: шелъ на Михайловскую, садился въ ново-деревенскую конку и доѣзжалъ до Троицкой площади. Тамъ наркомъ выходилъ на Кронверкскій проспектъ.

Дождь пересталъ, но воздухъ былъ сырой и промозглый, тротуары мокрые, а улицы сплошь заплыли бурой и жидкой осенней грязью. И словно подъ стать сѣренькому и хмурому дню, хмурились и кисло подергивались лица прохожихъ. Впереди Луганина, въ высоко засученныхъ брюкахъ, съ поднятымъ воротникомъ узкаго ульстра, шелъ удивительно тонкій и весь какой-то хлипкій молодой человѣкъ. Тщательно подчищенный цилиндръ, толстая съ мельхиоровой ручкой трость, широкія клѣтки ульстра и брюкъ — все это было, очевидно, дешевенькое, но бьющее на эффектъ, и въ хорошій день, на солнцѣ, быть можетъ, и было бы эффектно, даже франтовато. Но теперь, подмокшее и осѣвшее,

* См. № 13.

«СОЮЗЪ НРАВСТВЕННОСТИ» ВЪНСКАГО БАЛЕТА.

Келлеръ.
Кинбергеръ.

Паулина Бауэръ.
Рейнгруберъ.

Мелани Дауэръ.
Петерка.

Долейшка.

придавало молодому человѣку какой-то общипанный, чуть не убогій видъ.

Луганинъ шелъ слѣдомъ, смотрѣлъ на его выгнутую спину, на острые локти засунутыхъ въ карманы рукъ и улыбался. Онъ терпѣть не могъ франтовъ, особенно такихъ, какъ этотъ — плохенькихъ, и никогда бы, конечно, не сталъ ихъ разглядывать, критиковать и оцѣнивать; но сегодня онъ разглядывалъ и даже улыбался. Сегодня онъ, впрочемъ, всему улыбался — скверной погодѣ, недовольнымъ лицамъ, походкѣ тощаго франтика. И не потому улыбался, чтобы это было забавно или интересно, а просто потому, что у него подъ мышкой портфель съ послѣдними листами работы и за эту работу онъ получить сегодня деньги.

— Сколько? вдругъ громко спросилъ онъ, приостанавливаясь на поворотѣ Гостинаго двора.

Проходившая мимо дама изумленно взглянула на него. Онъ смѣшался, переложилъ почему-то портфель изъ одной руку въ другую и быстро перешелъ черезъ Невскій. Въ вагонѣ ему пришлось сидѣть рядомъ съ пожилымъ, очень толстымъ господиномъ, въ чиновничьей фуражкѣ. Лишь только тронулись, господинъ заговорилъ съ нимъ объ этой самой конкѣ, гдѣ и сколько она останавливается, какъ надобѣдаютъ контролеры, которые положительно ни къ чему не нужны. Не доѣхавъ до Троицкаго моста,

Луганинъ уже зналъ, что его сосѣдъ зиму и лѣто живетъ въ Новой Деревнѣ, что это съ одной стороны очень удобно, но съ другой — совсѣмъ неудобно: холодно, много времени на проѣздъ и лавочники страшные мерзавцы. Луганинъ слушалъ и упорно молчалъ, что, впрочемъ, нисколько не смущало господина въ фуражкѣ, заявившаго предъ прощаніемъ, что ему „очень пріятно“.

Пройдя паркъ, Луганинъ вышелъ на проспектъ и черезъ нѣсколько минутъ дошелъ до дома Чемиряева. Домъ былъ небольшой, деревянный, но вполне барскій. — въ одинъ этажъ, съ зеркальными во все окно стеклами и дубовой, рѣзной дверью подъѣзда. Открылъ ему, какъ и всегда, старикъ-лакей, гладко выбритый, въ сѣрой съ металлическими пуговицами курткѣ и такими же штiblе-тами.

— Доложите! какимъ-то не своимъ голосомъ сказалъ ему Луганинъ. Неподвижное, съ вѣчно опущенными глазами лицо лакея всегда почему-то смущало его и сбивало „съ тона“ — онъ говорилъ съ нимъ или слишкомъ громко, или слишкомъ тихо, но всегда неловко, съ зацѣпкой. Такъ и теперь.

Лакей повѣсилъ его пальто и по прежнему, не подымая глазъ, проговорилъ:

— Пожалуйста, въ кабинетъ, проводить приказано...

По большому, съ строгой рѣзной мебелью, залу Луганинъ прошелъ въ кабинетъ. На встрѣчу ему поднялся изъ-за стола маленькій, худощавый старичекъ, въ домашнемъ, какъ-то особенно тепломъ и мягкомъ пиджакѣ.

— Кончили? протянулъ онъ ему худенькую, сухую руку.

— Кончилъ, Павелъ Максимычъ (Чемиризовъ не позволялъ себя превосходительствовать), отвѣтилъ Луганинъ и, положивъ портфель на стулъ, вынулъ изъ него объемистую рукопись. — Заключение и алфавитный указатель, какъ извоили требовать...

Старичекъ быстро зашурчалъ листами.

— Очень, очень-съ хорошо, весьма благодаренъ... Знаете, я, вотъ только что передъ вами прочиталъ послѣдній присылъ и — прекрасно. Слозь, ясно и сжато, мысль выражена точно и именно такъ, какъ нужно... Вообще — очень, очень хорошо, — и онъ еще разъ пожалъ ему руку.

Луганинъ неловко поклонился, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что Чемиризовъ доволенъ.

Тотъ, между тѣмъ, открылъ столъ, бережно опустил рукопись въ ящикъ и нѣсколько мгновений зорко вглядывался въ Луганина, сидѣвшаго къ нему бокомъ.

— Н-да, протянулъ онъ и забарабанилъ пальцами по столу, — очень, очень хорошо... Платоновъ мнѣ говорилъ, что вы... что вы еще не помощникъ дѣлопроизводителя?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Луганинъ и почему-то покраснѣлъ.

— А служите давно?

— Четыре года...

— Четыре года... порядочно!.. У васъ Плетневъ?

— Да, вице-директоръ.

— Такъ вотъ... вообще — я скажу. Эгогъ Плетневъ былъ у меня когда-то въ департаментѣ, совсѣмъ еще маленькій... Взялъ я его на ревизію — ну, и пошелъ... Да, такъ я скажу, можете однимъ словомъ расценивать. Грѣхъ затирать такія способности, какъ ваши...

Луганинъ еще разъ поклонился и покраснѣлъ еще гуще.

Выразивъ еще разъ полное свое одобрѣніе, Чемиризовъ какъ-то бокомъ, ужасно торопясь и словно конфузясь, придвинулъ ему заклеенный конвертъ.

— Счетъ дружбы не портить, проговорилъ онъ, — вотъ-съ...

Все вышло крайне неловко. Чемиризовъ подтакивалъ конвертъ, а Луганинъ бралъ его кончиками пальцевъ, осторожно, точно что нибудь горячее. Бралъ долго, роняя и снова подхватывая и, наконецъ, совсѣмъ ужъ не хорошо засунулъ его въ карманъ.

— Такъ помните, провожалъ его Чемиризовъ до дверей кабинета, — съ Плетневымъ я переговорю, на этой же недѣлѣ переговорю... Осипъ, подай пальто!

Когда Луганинъ вышелъ на улицу, стало и суше, и темнѣе. Горѣли фонари.

У перваго же изъ нихъ онъ остановился и полѣзъ въ карманъ, но вдругъ запахнулъ пальто и быстро зашагалъ.

— Словно мальчишка, улыбнулся онъ на самого себя, — до дому донести не могу... Тамъ увидимъ. Все равно — сколько есть, столько и есть, больше не сдѣлается...

Но пройдя три или четыре дома, онъ снова остановился у ярко-освѣщенныхъ оконъ какого-то магазина и торопливо вынулъ конвертъ. Толстая атласистая бумага рвалась плохо, отлетая небольшими кусочками. Мимо его прошли господинъ съ дамою и посмотрѣли. Посмотрѣлъ и даже остановился

какой-то мальчишка съ пустой корзиной въ рукѣ. Но ему было все равно — смотреть или нѣтъ. Важно только узнать: сколько.

Наконецъ онъ разорвалъ конвертъ, вынулъ пачку, взглянулъ на нее и замеръ. Именно замеръ — потому онъ часто вспоминалъ этотъ моментъ и второго такого впечатлѣнія у себя не помнилъ. Пачка была новенькая, изъ новыхъ, одинаковыхъ бумажекъ и всѣ онѣ были сторублевые. Онъ сосчиталъ — пять.

Пятьсотъ рублей! Онъ рассчитывалъ на сто, а тутъ пятьсотъ. Больше чѣмъ нужно. Ему неудержимо хотѣлось смотрѣть на эти доньги, держать ихъ, разложить, чтобы всѣ были видны. Тутъ, на панели, это неудобно, до дому далеко... Онъ поднялъ голову и въ десяти шагахъ отъ себя увидалъ красную вывѣску трактира.

Дальше онъ смутно помнилъ, что было. Въ трактирѣ сидѣлъ онъ недолго. Выпилъ двѣ или три рюмки водки — больше онъ никогда не пилъ, ѣлъ какіе-то бутерброды, но главнымъ образомъ разглядывалъ свои бумажки и собственно не разглядывалъ, а смотрѣлъ на нихъ и думалъ. Думалъ ли о томъ, какъ счастливо обернулась его судьба и какъ близко, возможно и легко стало все то, что чась тому назадъ казалось и труднымъ, и далекимъ. Потомъ онъ сталъ представлять себѣ радость Ольги, Миши и Воротилова.

„Чудакъ! Триста рублей у своей, во всѣхъ отношеніяхъ превосходительной дамы... Злитея, что у него не хотятъ брать... А они, вотъ гдѣ, всѣ сразу“...

Въ немъ заговорило желаніе обрадовать своихъ какъ можно скорѣе, застать Воротилова — пусть и тотъ видитъ. Онъ расплатился и вышелъ. На улицѣ выпитая водка быстро сказала — было теплѣе, легче и страшно весело.

Онъ дошелъ до угла и свернулъ въ паркъ — все равно — извозчиковъ ни тутъ, ни тамъ нѣтъ. Придется пройти до площади. И онъ шелъ, веселый, возбужденный, готовый расцѣловаться съ первымъ встрѣчнымъ.

Съ той стороны, съ улицы, до него донеслась вдругъ пѣсня. Пѣлъ, очевидно, какой-то подвыпившій мастеровой и пѣлъ такъ, какъ всегда поютъ подвыпившіе мастеровые — безъ словъ, съ безконечными переливами, протяжно, чувствительно и фальшиво. Онъ остановился, съ минуту прислушивался и вдругъ подхватилъ напѣвъ.

Сдѣлалъ онъ это совершенно мимовольно. Такое настроеніе было — если бы кричали, и онъ бы закричалъ, плясали — заплясалъ бы.

Подхватилъ онъ сначала тихо, робѣя, потомъ громче. На улицѣ пѣсня оборвалась, взамѣнъ ей послышалось длинное, энергическое ругательство, не то одобрительное, не то просто пьяное. Но ему было уже все равно — онъ пѣлъ все сильнѣе и сильнѣе, всей грудью. Пѣлъ и, кажется, шелъ, потому что когда онъ очнулся, то былъ не тамъ, гдѣ услышалъ съ улицы пѣсню, а дальше у самаго почти выхода. Оглянулся онъ потому, что кто-то сталъ противъ него и загородилъ ему дорогу.

Это былъ господинъ, изящный и барски-осанистый даже здѣсь, въ темнотѣ. Стоялъ онъ, дѣйствительно, какъ разъ противъ него. Рядомъ, на срединѣ аллеи, кучеръ въ крошечныхъ дрожжахъ сдерживалъ огромнаго рысака.

Луганинъ растерялся. Ему сразу представилась вся дикость его поведенія — идетъ по парку и оретъ во все горло, какъ пьяный. Очевидно, господинъ этотъ ѣхалъ мимо и остановился. Быть можетъ даже свеликодушничать захотѣлъ — вывести пылненькаго

изъ парка и городовому сдать, чтобы не раздавили.

Но въ слѣдующій же мигъ господинъ этотъ безконечно удивилъ его и самъ показался ему или пьянымъ, или человѣкомъ не въ своемъ умѣ. Онъ, едва Луганинъ пересталъ пѣть, схватилъ его за руку и притянулъ къ себѣ, лицомъ къ лицу. Луганинъ слышалъ даже тонкій запахъ духовъ.

— Послушайте, вы... я ѣхалъ, заговорилъ господинъ и слова какъ-то у него прыгали,—я ѣхалъ... услышалъ... Вы знаете, вашъ голосъ... Вапа фамилия?

Луганинъ отвѣтилъ, но господинъ не отставалъ—спросилъ имя, отчество, адресъ и въ концѣ-концовъ усадилъ въ свою пролетку.

— Я васъ доведу... Мнѣ по дорогѣ — Садовая, и именно туда...

Экипажъ его стоялъ въ обратную сторону, но онъ тянулъ Луганина такъ настойчиво и, главное, тому, въ его настроеніи, все казалось такъ просто и естественно, что онъ сѣлъ и первый разъ въ жизни услышалъ подъ собою мягкій звукъ шинъ резины.

Дорогой неизвѣстный господинъ продолжалъ его распрашивать и онъ почему-то ударился въ откровенность и рассказалъ ему все—университетъ, переходъ на службу, встрѣчу съ Ольгой, пятьсотъ рублей Чемиряева, его общаніе „сказать“ Плетневу.

У воротъ его дома они разстались и Луганинъ, горя нетерпѣніемъ, бросился во дворъ, не дослушавъ того, что началъ говорить его странный новый знакомый.

А. Дѣяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Намъ пишутъ изъ Парижа. Небезызвѣстная Петербургу провинціальная оперная артистка г-жа Эйгенъ находится въ настоящее время въ Парижѣ, гдѣ совершенствуетъ свой голосъ у извѣстнаго профессора пѣнія Колонны. У г-жи Эйгенъ прекрасный голосъ и, какъ водится, отсутствіе серьезной школы. Профессоръ Колонна—одинъ изъ немногихъ мастеровъ старой школы и въ полномъ смыслѣ великій учитель. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, его имя не пользуется среди русскихъ артистовъ той популярностью, которой онъ заслуживаетъ.

Въ Вѣнѣ возникло довольно курьезное артистическое общество для защиты женской добродѣтели. Инициатива принадлежитъ вѣнскому кордебалету императорской оперы. Кто хотя немного знакомъ съ театральною жизнью, вѣроятно изумится такому мужеству танцовщицъ. Всѣмъ въ Вѣнѣ извѣстенъ трагическій случай съ одной танцовщицей, которая понравилась очень вліятельной персонѣ, но не хотѣла пережить свой позоръ и покончила съ собой. Вѣнскія оперныя танцовщицы (конечно, часть ихъ) рѣшили основать союзъ, который защищаетъ танцовщицъ отъ позорнаго паденія. Танцовщица, вступающая въ союзъ, этимъ уже должна быть освобождена отъ преслѣдованія мужчинъ. Она не принимаетъ никого у себя ни дома, ни въ оперѣ; въ обществѣ и въ театрахъ появляется только съ отцомъ или матерью и ведетъ вообще жизнь, достойную жрицы искусства. Въ союзъ пока записались немногія. Но основательницы союза—наиболѣе красивыя и талантливыя жрицы богини Терпсихоры. Насколько общество привыкло презирать танцовщицъ и скептически относиться къ ихъ нравственности, видно изъ того, что союзъ встрѣченъ насмѣшками какъ прессой, такъ и обществомъ. Но юныя артистки полны бодрого чувства и свѣтлаго настроенія и не боятся глумленія.

Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. По окончаніи зимняго сезона, наша театральная публика вздохнула облегченно. Слава Богу, думала она,—на слѣдующій зимній сезонъ кто бы ни снялъ,—хуже не будетъ. Но недѣли черезъ двѣ стало извѣстно, что г. Никулинъ вновь подалъ заявленіе о желаніи снятъ на слѣдующій зимній сезонъ Аудиторию. И наша публика заволновалась! Въ комиссію народныхъ чтеній посыпались и единоличныя, и коллективныя просьбы не сдавать театра г. Никулину. Чѣмъ кончится этотъ вопросъ—неизвѣстно. Конкурентомъ г. Никулина является г. Витарскій.

Съ 20 апрѣля въ мѣстномъ театрѣ, арендуемомъ г. Линтваревымъ, будетъ играть драматическая труппа Н. Н. Синельникова до 15 іюня. Потомъ пятнадцать спектаклей дастъ оперная труппа съ гастролеромъ Деаэойодомъ, которая, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ прекрасная дѣла. Полтора мѣсяца будетъ оперетка С. Н. Новикова. И въ концѣ концовъ, неизбѣжныя малороссы. Надо отдать полную справедливость г. Линтвареву, который вотъ уже третій сезонъ даетъ рядъ разнообразныхъ представленій.

Въ заключеніе, не могу не упомянуть о слѣдующемъ курьезномъ фактѣ. Мѣстная газета «Приднѣпровскій Край» въ продолженіи всего сезона восторгалась труппой г. Никулина, его просвѣщенной дѣятельностью и т. под., печатала портреты его и г-жи Шеиной, рядомъ съ портретами Мицкевича и Л. Толстого, и вдругъ въ концѣ сезона какъ бы прозрѣла и напечатала статью, въ которой находитъ г. Никулина ремесленникомъ-предпринимателемъ, державшимся бесмысленнаго репертуара; труппу его называетъ убогой, производившей удручающее впечатлѣніе; режиссерскую часть,—изъ рукъ вонъ плохую и т. под. Какъ понять и назвать эту выходку «Приднѣпровскаго Края»?

Да, дѣйствительно вопросъ о рецензентахъ и вообще о театальной критикѣ—глубоко назрѣвшій вопросъ въ современной театальной жизни.

МИНСКЪ. Подводя итоги истекающему нашему зимнему сезону, приходится признать его довольно удачнымъ. Начавшись плохенькимъ товариществомъ драматическихъ артистовъ Е. В. Любова, сезонъ продолжался и завершается недурно. Оперная труппа г. Измайлова посѣщалась довольно усердно. И хотя оперное товарищество, вслѣдствіе неудовлетворительной администраціи, въ концѣ раскололось и очутилось безъ лучшихъ своихъ представителей, все же оно закончило свои спектакли сравнительно благополучно.

Не менѣе утѣшительные результаты дало товарищество малорусскихъ артистовъ г. Кропивницкаго. Это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что товариществу удалось впервые въ этомъ году гастролить въ Великимъ постомъ, во время котораго въ текущемъ сезонѣ г. начальникъ Минской губерніи разрѣшилъ нѣкоторые спектакли. Малороссовъ у насъ посѣщала специфическая, такъ сказать, народная публика. Интеллигенція, несмотря на отсутствіе развлеченій, къ чести ея будь сказано, предпочитала игнорировать «леченіе» драматическаго искусства. Теперь съ весьма понятнымъ нетерпѣніемъ, она ожидаетъ гастролей товарищества артистовъ С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, подъ управленіемъ Н. Ф. Арбеніна.

Назначены пока лишь три спектакля на 4-ое, 5-ое и 6-ое апрѣля, въ которые даны будутъ: «Дженгльментъ» и «Литературный дивертисментъ», «Новое дѣло», «Гувернантка», «Борисъ» и «Треволненія».

Много шуму наделалъ здѣсь довольно странный выходъ (не на сцену) артиста Массимо-Массими. Назначивъ концертъ и не увидя въ кассѣ ни сантима, онъ исчезъ изъ Минска, оставивъ при пиковомъ интересѣ типографію, агента по устройству концертовъ (магазинъ), разсылныхъ и проч. Совсѣмъ по опереточному.

Искъ-Вотатъ.

КІЕВЪ. Приводимъ данныя по зимнему сезону драмы, начавшейся здѣсь 11-го октября въ зданіи новаго театра.

Репертуаръ состоялъ изъ 59 пьесъ (кромя водевилей и мелкихъ комедій), въ томъ числѣ новыхъ пьесъ было поставлено въ продолженіи истекшаго сезона 18: «Дядя Ваня», «Волшебная сказка», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Красавецъ», «Ложь», «Двѣ судьбы», «Завѣтная мечта», «Горе-злочастие», «Измаилъ», «Клеймо», «Американка», «Тетерева» не летятъ по деревьямъ», «Въ родственныхъ объятіяхъ», «Исторія одного увлеченія», «Блестящая карьера», «Провинціалы» (Индюшки), «Вошикъ Геншель» и «Затерянный мудрецъ». Въ сезонѣ было дано 142 спектакля, въ томъ числѣ одинъ безплатный, 24 утреннихъ и нѣсколько благотворительныхъ (для усиленія средствъ Русскаго Театральнаго Общества, въ пользу студентовъ университета Св. Владиміра и другихъ учреждений).

Самое «почетное» мѣсто въ репертуарѣ театра Н. Н. Соловцова занялъ пресловутый «Измаилъ»—17 разъ, не менѣе

видное мѣсто отведено было и «Контролеру спальных вагоновъ» — 6 разъ. Гоголь шелъ однимъ спектаклемъ («Ревизоръ»), Зудерманъ — 4 («Родина» и «Честь»), Сух.-Кобылинъ — 3, Гауптманъ — 4, Л. Толстой — 1 («Плоды просвѣщенія»), Сумбатовъ — 7, Невѣжинъ — 6, Островскій — 17.

Валового сбора взято за сезонъ свыше 118.000 р., на кругъ спектакль далъ 837 рублей.

Малорусская труппа г. Сидовскаго и г. Саксаганскаго дала здѣсь 117 спектаклей; изъ валового сбора въ 63.689 р. чистой прибыли осталось 37.000 рублей.

Труппа артистовъ С.-Петерб. Императорскихъ театровъ во главѣ съ М. Г. Савиной дала здѣсь (14—19 марта) шесть спектаклей: «Отчий домъ», «Исторія одного увлеченія», «Маюрша», «Татьяна Рѣпина», «Дама съ камелиями» и «Девятый валъ»; спектакли прошли съ громаднымъ успѣхомъ (при полныхъ сборахъ).

19-го марта состоялся въ память Т. А. Чужбинова вечеръ въ залѣ Литературно-артистическаго общества. Въ литературномъ отдѣлѣ приняли участіе М. Г. Савина, г. Горевъ, г. Озаровскій и др. въ музыкальномъ отдѣлѣ выступили г. Давыдовъ (теноръ), г. Свѣтловъ (баритонъ) и др.

Съ 7-го марта начались въ театрѣ «Соловцовъ» оперные спектакли кизилы Церетели. Изъ новыхъ оперъ были уже поставлены «Царица Савская», «Садко», «Мефистофель», и «Моцартъ и Сальери». Спектакли идутъ при среднихъ сборахъ. «Демонъ» (съ участіемъ г. Тартакова) прошелъ 27-го марта при полномъ театрѣ.

Р — ичъ.

САРАТОВЪ. Оперный сезонъ, который въ нашемъ городѣ продолжался три мѣсяца, закончился съ убыткомъ. Сборы были хорошіе, по праздникамъ даже блестящіе, но бюджетъ труппы — слишкомъ великъ. Г. Бородай, гарантировавшій большинству артистовъ половину получаемыхъ ими марокъ, потерялъ убытка 2.800 руб. Всего въ Казани и Саратовѣ дано 168 спектаклей и выручено около 90 тыс. рублей. Но и этой солидной суммы оказалось недостаточно для содержанія оперы. Тотъ фактъ, что названный двумя городами не подъ силу имѣть хорошую оперу, еще разъ подтвердился. Со временемъ, когда гг. оперные артисты, потерпѣвъ крушеніе нѣсколько разъ, убѣдятся, что требуемые ими оклады слишкомъ велики и немощно сбавить себѣ цѣну, Казань и Саратовъ войдутъ въ число «надежныхъ городовъ», а пока очевидно, что претензіи саратовцевъ не могутъ быть удовлетворены. Какъ поступитъ г. Бородай на будущее время — неизвѣстно; конечно, онъ позаботится гарантировать себя отъ убыточныхъ «гарантій»...

Дѣла мѣстнаго народнаго театра шли хорошо: доходъ далеко превысилъ предположенія смѣты. Труппа на будущій сезонъ (съ Пасхи до конца масленицы) уже составлена; герония М. Э. Мондшейнъ, драматич. энжениу В. Н. Бартенена, комич. энжениу А. А. Коренка, *grande dame* и драматич. старуха А. П. Бѣлозерская, комич. старуха С. Ф. Кузнецова; герой и драматич. резонеръ К. А. Гаринъ, любовники М. Е. Залѣсовъ, фатъ П. М. Корсаковъ, комикъ-резонеръ В. Н. Кузнецовъ-Ершовъ, комикъ-буффъ Л. Г. Баскаковъ, режиссеръ Т. Н. Селивановъ; остальные — любители, которыхъ, кстати сказать, въ Саратовѣ очень много. Спектаклей предполагается давать не менѣе трехъ въ недѣлю, а всего въ сезонъ не менѣе 160. Содержаніе труппы обойдется въ 12.320 рублей, (почти вдвое больше прошлогодняго). Репертуаръ — общій; дирекція избѣгаетъ только фарсовъ и чересчуръ чувствительныхъ мелодрамъ. Такъ какъ многіе представляютъ себѣ саратовскій народный театръ далеко не въ томъ видѣ, каковъ онъ есть, то я считаю нелишнимъ дать такіа краткія свѣдѣнія. Зданіе, построенное по обычному типу театровъ, находится на одной изъ окраинъ города, гдѣ живутъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и разныхъ заводовъ. Театръ значительно больше каменнаго городского, въ которомъ играетъ труппа г. Бородай; сцена также больше, внутри — достаточное благоустройство; отопленіе паровое, освѣщеніе электрическое. Сообщеніе съ центромъ города — по конкѣ (минуя 10—15 вѣды); нѣсколько десятковъ вагоновъ ждутъ окончанія спектакля и, переполненные публикой, длинной вереницей отправляются одинъ за другимъ. Театръ принадлежитъ городу и слѣдуетъ на 6 лѣтъ отдѣлу народныхъ развлеченій, безплатно. Цѣны — самыя дешевыя: отъ 7 коп. (галерка) и до 1 р. (1-й рядъ креселъ). По такимъ же дешевымъ цѣнамъ буфетъ безъ всякихъ спиртныхъ напитковъ. Верхніе ярусы занимаютъ преимущественно городскимъ «народомъ», партеръ и ложи — небогатой интеллигентной публикой и купеческимъ сословіемъ. По составу публики театръ слѣдовало бы называть не «народнымъ», а общедоступнымъ. Во главѣ управленія театромъ стоитъ «совѣтъ» изъ 15 человекъ, избираемыхъ ежегодно общимъ собраніемъ отдѣла народныхъ развлеченій. Теперь, въ виду предстоящихъ пушкинскихъ празднествъ, совѣтъ этотъ возбуждаетъ ходатайство о присвоеніи театру названія «Пушкинскаго» и приводитъ въ порядокъ садъ, въ которомъ находится театръ. Память Пушкина предположено чествовать постановкой «Бориса Годунова», «Моцарта» и Сальери» и др. произведеній поэта.

Постоянный.

РЯЗАНЬ. Театральный сезонъ у насъ окончился 28-го февраля. Можно полагать, что сезонъ окончился довольно благополучно. Какъ слышно, асъ артисты получили жалованье сполна и жаловѣя почти не было, ну, а для рязанскаго театра и это хорошо. Вотъ въ отношеніи художественности репертуара было нѣсколько иное. Строго обвинять антрепренера за это нельзя, каждый заинтересованъ въ своемъ кускѣ хлѣба, но нельзя не пожалѣть порою публику. А впрочемъ, жалѣть ли ее? Ставить антрепренеръ умныя литературныя пьесы, и театръ пусть; ставить «Измаила», и полный сборъ. Выходитъ какъ будто сама публика виновата, хотя едва ли это такъ. Хорошую классическую пьесу надо обставить, да и антуражъ другой нуженъ, а гдѣ его взять провинціальному антрепренеру? Городъ у насъ ничего не даетъ — за аренду театра беретъ 1.500 р. въ годъ и даетъ стѣны да кое-какія декорации — освѣщеніе керосиновое, да и то вмѣстѣ съ отопленіемъ на счетъ антрепренера. У насъ за весь сезонъ не было поставлено ни одной пьесы Гоголя, о «Горѣ отъ ума» даже и не упоминали, былъ поставленъ пушкинскій «Борисъ Годуновъ». Островскаго или: «Безъ вины виноватые», «Доходное мѣсто», «Таланты и поклонники» (два раза), «Сердце не камень» и «Лѣсъ», но если принять во вниманіе, что «Лѣсъ» и «Таланты и поклонники» шли съ гастролерами и по ихъ выбору, а «Сердце не камень» и «Таланты и поклонники», во второй разъ, ставились мѣстными любителями съ благотворительной цѣлью, то на долю антрепризы останутся «Безъ вины виноватые» и «Доходное мѣсто», да и то послѣдній спектакль шелъ утромъ бенилатно для учащейся молодежи. Остальной репертуаръ изобиловалъ то перлами вроде «Дрейфуса», «Убійства Коверлей» и «Лѣснаго бродяги», то новинками вроде «Измаила». Выборъ бенефисныхъ спектаклей былъ тоже довольно странный, хотя здѣсь могла бы выразиться нѣкоторая индивидуальность астера. Въ бенефисы шли: г. Дьяконова — «Жизнь Илимона», г. Танскаго 1-й — «Злоба дня» и 2-й — «Казнь», г-жи Тарской — «Грильби», г. Катарскаго 1-й — «Неумолимый судъ», 2-й — «Каиново племя», г-жи Сухановой — «Генералына Матрена», г-жи Волжской — «Свекровь», г. Татаринова — «Отъ Петербурга до Рязани» (?), г-жи Вальцы — «Честь», г-жи Линской — «Джентльменъ» и г. Шувалова 1-й — «Испанскій дворянинъ», 2-й — «Веселая Поляна» (?) Сборы бенефисные были очень плохи, за исключеніемъ антрепренерскихъ или при участіи гастролеровъ. Гг. Чагинъ и Майскій совсѣмъ отказались отъ бенефисовъ, находя ихъ не выгодными для себя: по условію надо было заплатить антрепренеру 125 р. вечеронныхъ расходовъ, а остальное пополамъ. Заключивъ отчетъ о сезонѣ, надо замѣтить, что у насъ шли почти всегда надевали съ игнѣмъ, которые, благодаря г-жѣ Сухановой и гг. Танскому и Майскому, сходили въ большинствѣ хорошо. У г-жи Сухановой педурной голось и извѣстная грація. Г. Майскій еще молодой актеръ (2 года, какъ окончилъ школу), но изъ него можетъ выработаться не дурной исполнитель подъ строгой режиссерской рукой. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались г-жи Вальцы и Тарская и гг. Чагинъ и Дьяконовъ.

Мы слышали, что нашъ театръ на будущій зимній сезонъ снять г. Заировымъ.

В. А. Камневъ.

ВЛАДИМІРЪ. Наше «Общество любителей драматическаго и музыкальнаго искусства», основанное въ 1888 году, а драматическій отдѣлъ котораго началъ проявлять свою дѣятельность съ 1891 года, съ первыхъ шаговъ поданало очень большія надежды на осуществленіе задачи, намѣченной его уставомъ: «...содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ него средствами развитію драматическихъ талантовъ, распространять любовь къ этому искусству и развивать пониманіе онаго въ средѣ своихъ членовъ». Благодаря приглашенію дирекцію опытнаго режиссера и профессиональных артистовъ, далеко не заурядныхъ, исключительно на главныя амплуа за определенное жалованье, первый годъ примѣненія этого цѣлесообразнаго опыта далъ прекрасные результаты. Не говоря уже про то, что этимъ было достигнуто устраненіе «всѣхъ глѣхъ» нежелательныхъ для Общества элементовъ, ничего общаго съ театромъ не имѣвшихъ и выплывавшихъ на театральные подмостки Богъ вѣсть откуда» (см. «Истор. Вѣстн.» за 1891 г. «Воспоминанія театральнаго антрепренера», стр. 334), эта попытка оказала свое благотворное воздѣйствіе на персоналъ гг. членовъ-исполнителей, выдвинувъ сразу несомнѣнно даровитыхъ исполнителей. Принимая во вниманіе, что участіе профессиональных артистовъ, совмѣстно съ гг. членами-любителями приноситъ дѣлу видимую пользу, а также, что большинство членовъ-любителей не всегда располагаютъ своимъ временемъ для посвященія его драматическому искусству (спектакли даются не менѣе трехъ разъ въ недѣлю), дирекція стала ангажировать профессиональных артистовъ, по возможности, почти на всѣ безъ исключенія амплуа, съ такимъ расчетомъ, чтобы гг. члены-любители имѣли возможность дублировать намѣченные себѣ амплуа, т. е. занимать ихъ въ свободное отъ занятій время. И дѣйствительно такой режимъ, продолжавшійся въ теченіи первыхъ 5-ти лѣтъ, выдвинулъ не мало гг. членовъ-любителей, какъ напр. г-жѣ Е. Б. Островскую (*grande dame*), М. Е. Лирскую

(комическая старуха и бытовые роли), А. Д. Рангъ (ingénue), О. А. Глумову (драмат. героиня), А. Н. Подъяпольская (ingénue) и гг. Н. Н. Андрича, Н. А. Александровича, П. А. Сурского, Л. И. Ямант, Д. А. Новского, а благодаря опытности приглашенных режиссеров: А. А. Кегеле-Королева, К. Н. Новикова-Аверкьева, С. Н. Томского и С. Н. Рассатова (отбывшаго въ этой должности два сезона подряд) и участія приглашаемыхъ премьеровъ изъ числа провинціальныхъ артистовъ: г-жъ З. В. Холмской, П. В. Никоновой, Ю. В. Васильевой, П. А. Правдиной, Т. С. Даргомыжской, М. М. Тамариной, М. М. Халатовой: гг. Н. Д. Красова, Н. Н. Борелкаго, А. Н. Кручинина и поименованныхъ въ качествѣ режиссеровъ, владимирская публика настолько заинтересовалась театромъ, что имѣлась возможность покрывать довольно значительныя затраты по ангажементамъ артистовъ и пополнять всѣ расходы, дѣлаемые по обстановочнымъ пьесамъ, равно какъ возобновить почти весь инвентарь Общества (собиралось за сезонъ валового дохода свыше 11,000 руб.). Такое прогрессивное и успѣшное развитіе драматическаго отдѣла Общества подавало большія надежды къ дальнѣйшему процвѣтанію его дѣятельности. Такъ закончился сезонъ 1894—1895 г. Со вступленіемъ же новаго состава дирекціи, съ Н. А. Суворовымъ во главѣ, дѣла Общества стали принимать совершенно иной характеръ. Сезонъ 1895—1896 года закончился не только дефицитомъ около 600 руб., но, къ прискорбію, породилъ въ средѣ гг. членовъ исполнителей Общества распри, закончившіяся тѣмъ, что въ виду отказа нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ участія въ спектакляхъ, пришлось на послѣдующій сезонъ 1896—1897 г. замѣстить ихъ амплуа профессиональными артистами, а такъ какъ средства Общества всѣ иссякли и Общество было обременено кромѣ того еще долгомъ отъ только что закончившагося сезона, то дирекція вынуждена была, во избѣжаніе краха, ограничиться заангажированіемъ на этотъ сезонъ мало опытныхъ профессиональных артистовъ—воспитанниковъ Московскаго Театральнаго училища, почти никогда не подвизавшихся на общественныя сценкахъ. Замѣстителямъ предсѣдателя на сезонъ 1897—1898 года былъ избранъ А. П. Шапкинъ. Новая дирекція повторила старыя ошибки. Воцарился сумбуръ. Ко всему этому, приглашенные на только что закончившійся сезонъ героиня и резонеръ на столько оказались слабыми (чтобы не сказать больше), что постоянно вызывали протесты со стороны публики, почему въ концѣ ноября мѣсяца они были замѣщены вновь приглашенными, что было сопряжено съ большимъ ущербомъ. Въ результатѣ—крупный дефицитъ.

Есть много вѣроятій, что урокъ нынѣшняго сезона откроетъ глаза истиннымъ ревнителямъ драматическаго искусства и при избраніи новаго состава дирекціи на предстоящій сезонъ, гг. избиратели озаботятся прежде всего поручить ангажементъ профессиональных артистовъ особю избранной на сей предметъ комиссіи, въ которую, какъ временную, безъ сомнѣній не откажутся войти многіе изъ гг. членовъ Общества вполне компетентные и хорошо знакомые съ театральнымъ міромъ. Только при этихъ условіяхъ, завоеванное «Владимирскимъ драматическимъ Обществомъ» весьма почетное мѣсто въ провинціальномъ театральномъ мірѣ, можетъ удержаться на своей высотѣ, чего этому Обществу долженъ желать каждый сочувствующій развитію и упроченію драматическаго искусства вообще, а въ провинціи въ частности. К. Томасъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Репертуаръ новочеркасскаго театра съ 22 января по конецъ сезона былъ слѣдующій: «Голубокъ», «Вторая молодость», «Молчаніе», «Безъ вины виноватые», сборный спектакль по одному акту изъ «Риголетто», «Кина», «Маргариты Готье» и «Лѣсъ»—въ память Н. П. Родинна-Инсарова, «Русская свадьба», «Апаюнъ», «Набатъ», «Адская любовь», «Послѣдняя воля», «Сама себя раба бьетъ», «Трильби», «Жизнь за Царя», «Кинъ», «Исторія одного увлеченія», «Ночное», «Венеціанскій мавръ» (оперетка), «Шиповникъ», «Изъ старые годы», «Возчикъ Геншель», «Гейша», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Взятіе Измаила», «Супружеское счастье», «На всякаго мудреца», «Жизнь за Царя», «Клубъ холостяковъ», «Мужкаты», «Блестящая карьера», «И ночь... и луна... и любовь», «Коварство и любовь», «Жаворонокъ», «Простушка и воспитанная», «Чайный цвѣтокъ», «Фаустъ на изнанку», «Злоба дня», «Званный вечеръ съ италянцами», «Заколдованный принцъ», «Русская свадьба», «Откуда сыр-боръ загорѣлся», «Гейша», «Любовь и предразсудокъ», «Грубадуръ», «Сестра Тереза», и сборный спектакль по 1 акту изъ пьесы: «Блестящая карьера», «Риголетто», «Золотая Ева», «Старый закалъ» и «Мартинъ Рудокопъ».

Подводя итоги минувшему сезону, приходится сознаться, что будучи довольно удовлетворительнымъ съ матеріальной стороны, въ общемъ онъ далеко не оправдалъ нашихъ надеждъ главнымъ образомъ благодаря репертуару, въ высшей степени малоинтересному, заигранному, носящему всѣ слѣды случайности и отсутствія режиссерской инициативы и труда. Достаточно сказать, что изъ намѣченныхъ къ постановкѣ въ началѣ сезона 19 новыхъ, интересныхъ пьесъ въ дѣйствительности было поставлено только 5, а цѣлыхъ 14 не могли... разойтись; за то мы имѣли удовольствіе видѣть такіа совсѣмъ

не общанныя пьесы, какъ: «Двѣ сиротки», «Сестра Тереза», «Судебная ошибка», «Два подростка», «30 лѣтъ или жизнь игрока», «Парижскіе нищіе», «Вторая молодость», «Клубъ холостяковъ» и др., а изъ новинокъ такіе перлы, какъ «Дрейфусъ-Эстергази», г. Дубянского, «Взятіе Измаила», А. А. Черепанова, «Венеціанскій мавръ» мѣстнаго поэта и композитора г. Климова... Изъ водевилей же нашъ режиссеръ г. Матковский умудрился не поставить за весь сезонъ ни одного, который бы представлялъ хоть какой-либо интересъ и не былъ бы заигранъ чуть не до тошноты. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ перечень не только поставленныхъ, но и повторенныхъ у насъ по нѣскольку разъ водевилей: «Не зная броду, не суйся въ воду», «Помолвка въ Галерной гавани», «Сама себя раба бьетъ», «Простушка и воспитанная», «Слабая струна», «Ночное», «Дочь русскаго актера», «На узелки или прыжокъ съ 4 этажа» и т. под. Кому они интересны и для чего ставились? А между тѣмъ нужно помнить, что провинціальная публика въ массѣ очень падка къ новинкамъ, даже къ водевилямъ.

Укажемъ и еще одну странную и нежелательную особенность истекшаго сезона: во вторую его половину у насъ совсѣмъ почти не было спектаклей по обыкновеннымъ цѣнамъ! Разъ въ недѣлю давался общедоступный спектакль, такъ называемая «депешка», а въ остальные дни ставились то бенефисы, то благотворительные по повышеннымъ цѣнамъ... И тѣхъ, и другихъ было даже слишкомъ много... Г. Лепоковскому, напр., было дано 4 бенефиса. Остальнымъ—то же самое, кому 3, кому 2, а кому и 1 бенефисъ. Общій бенефисъ хору, отдѣльные—суфлеру, оркестру, кассиру и проч. Что же касается до благотворительныхъ, то о нихъ мы уже давно хочется высказать свое мнѣніе, какъ результатъ наблюденій человѣка, изрядное количество лѣтъ довольно близко стоящаго къ театру и притомъ по положенію своему совершенно не заинтересованнаго въ *престрастномъ* освѣщеніи этого явленія. Въ печати нерѣдко встрѣчаются разсужденія о томъ, какъ много волею-неволею приходится «благо-творить» дѣятелямъ сцены, принужденнымъ (sic!) ставить спектакли съ благотворительными цѣлями въ прямой будто бы убытокъ самимъ себѣ. Такія разсужденія являются большою ошибкой, такъ какъ для антрепренеровъ эти спектакли весьма небезвыгодны. Въ большихъ городахъ обыкновенно гг. антрепренеры ставятъ эти спектакли въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ только тогда, когда обычныхъ ставить никакъ нельзя,—начальство не разрѣшитъ,—т. е. по суббота-тамъ и вообще подъ праздники. Изъ многихъ сотенъ такихъ спектаклей я лично не знаю ни одного, который бы принесъ прямой матеріальный убытокъ антрепренеру, тогда какъ заурядные спектакли, къ несчастію, порою случается, не покрываютъ вечернихъ расходовъ. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ городѣ, къ сожалѣнію, есть не мало лицъ, посѣщающихъ театры лишь тогда, когда ихъ упрости, пристыдятъ, привезутъ или *навяжутъ* билеты. А у насъ, напр., еще недавно въ навязываніи билетовъ на иные благотворительные спектакли принимала участіе даже полиція, а это, пожалуй, и совсѣмъ не годится. Матовъ.

ЧЕРНИГОВЪ. На-дняхъ у насъ закончились гастроли М. М. Глѣбовой. Почтенная артистка дала пять спектаклей: «Преступница», «Родина», «За монастырской стѣной» (бенефисъ М. М. Глѣбовой), «Вторая молодость», и «Свадьба Кречинскаго» (при участіи Н. Н. Соловцова въ роли Расплюева). Составъ труппы, кромѣ г-жи Глѣбовой, слѣдующій: г-жи Инсарова, Поповкина, Аграмова, Киселевская и Радицева; г. Костюковъ, Леонидовъ, Борисовъ и Кнорре. Самымъ удачнымъ спектаклемъ нужно признать спектакль 19 марта («Свадьба Кречинскаго»). Гг. Костюковъ (Кречинскій) и Борисовъ (Муромскій) отлично справились со своими ролями, а выходы г. Соловцова (Расплюевъ) вызвали восторгъ у публики. Изъ другихъ артистовъ труппы нужно отмѣтить г-жу Инсарову, обладающую весьма сценичною наружностью, и г-жу Поповкину, весьма бойко играющую свѣтскихъ дамъ, вродѣ Сѣткиной («Вторая молодость»). Что касается г. Леонидова, то мы можемъ сказать, что роли драматическихъ героевъ мало удаются артисту (напр. Виталий Готовцевъ—«Вторая молодость»). Сама же г-жа Глѣбова, какъ и всегда, обнаруживаетъ въ своемъ исполненіи много искусства. Матеріальная сторона гастролей была хороша. Всѣ спектакли дали весьма приличные сборы, а 19 марта, какъ говорится, и яблоку негдѣ было упасть. Ж. Галаринъ.

Справочный отдѣлъ.

Иванъ Васильевичъ Вороновъ, суфлеръ или второй комикъ, зиму свободенъ. Козловъ, Тамбовской губ.

Валентина Владиславовна Томская, сильно-драматическія роли. Свободна на зимній сезонъ. Адресъ И. В. Воронову, Козловъ, съ передачей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопать провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопать пр. Кинунена находится въ продажѣ 20 лѣтъ и ежегодно расходуется десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопать пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европѣйскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинуненъ“.

№ 212 (22)

Я. БЕККЕРЪ

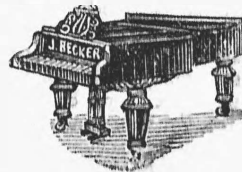
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО — дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ — „Grand Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Госуд. гер.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ — Золотая медаль
и Знамя Поставщика Его Величества
Короля Швеція и Норвегіи.

ПИАНИНО отъ 450 руб.
РОЯЛИ отъ 600 руб.

Кто передаетъ или сдаетъ театръ
можетъ адресоваться въ С.-Петербургъ.
Троицкая ул., д. 10. Театральная библиотека Волкова-Семенова литеры С.А.Т.
Желательно сдѣлать зимній театръ.

ЛЕКТОРЫ СООТВ. НАЦИОНАЛЬНОСТИ.
Брошюра бесплатно.

Дмитровский, 1 (уг. Стремянной).

9 ЯЗЫКОВЪ КУРСЫ ЕЧИНАЦЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.

ПУДРА ЮНОСТИ

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НЕЖНОСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛАГАЕТСЯ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

(г.) № 195

Коробка 75 коп. и 40 коп.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ
(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. В. Арбенниа.
(Пьеса безусловно разрѣшена къ представлению).

Иллюстрированное изданіе журнала
„Театръ и Искусство“,
съ портретами исполнителей и рисунками съ декорацій при постановкахъ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, С.П.Б. Моховая, 45.

Типографія „Трудъ“, Фонтанка, 86.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаніямъ специалистовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, уничтожаетъ веснушки, пятна загаръ и красноту лица.

Кремъ Амикосъ необходимъ для сохраненія на долго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европѣйскую Россію высылаются 2 банки за 3 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Оптовая торговля у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“ С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

214 (7-3).

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

для нежности и свѣжести лица.

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Цѣна за фаянсовую банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2.

(г.)

Гор. АСХАБАДЪ, Закаспійской области

СДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

вновь строящійся

= ТЕАТРЪ =
въ Городскомъ саду.

Театръ строится въ отведенномъ для пользованія на 20 лѣтъ—единственномъ въ городѣ саду. Театръ каменный, съ отопленіемъ для зимняго пользованія и съ приспособленіемъ электрической вентиляціи для лѣта.

По утвержденному плану театръ будетъ вмѣщать: 18 ложъ, партеръ на 300 человѣкъ и галлерею на 200 человѣкъ, фойе и буфетъ.

Размѣры сцены 12 и 15 аршинъ.

Освѣщеніе электрическое какъ въ театрѣ, такъ равно и въ саду.

Строится театръ въ Асхабадѣ впервые.

Открытіе театра обязательное 1-го Октября 1899 года.

Сдѣлать можетъ быть: на зимній сезонъ или на годъ (2 сезона).

Почтовый адресъ: гор. Асхабадъ — Константину Михайловичу Оедорову, телеграфный: Асхабадъ—Типографія Оедорова.

№ 230 (3-3).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 апрѣля 1899 г.